

1872

ОБЪЕМНЫМ ВОЗВРАТ

1723

ПОСТАНОВЛЕНИЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Дозволено цензурою. Москва. 4 февраля 1872 г.

СПбГ

СОВРЕМЕННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ

НА

ГОСУДАРСТВО И НАЦІОНАЛЬНОСТЬ *).

« La plus universelle conséquence de cette fatale situation, son résultat le plus direct et le plus funeste, « source première de tout les autres desordres essentiels, « consiste dans l'extension toujours croissante, et déjà « effrayante de l'anarchie intellectuelle, désormais constatée par tous les vrais observateurs, malgré l'extrême divergence de leurs opinions speculatives sur « sa cause et sa terminaison.»

A. Comte, Cours de Philosophie Positive. T. IV, стр. 90

I.

СОМНѢНІЯ РАЦІОНАЛИЗМА.

Происхожденіе государства, говоритъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ политическихъ мыслителей нашего времени—Этвешъ*), можетъ быть объяснено даже безъ предположенія цѣли, общей всѣмъ членамъ государства. Можно предположить, съ большою вѣроятностію, что многія государства обязаны своимъ основаніемъ отдѣльнымъ личностямъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ народныя сказанія. Поэтому излишне предполагаютъ существованіе какихъ нибудь особыхъ цѣлей въ массѣ, которая относилась къ этому дѣлу пассивно.

Но вопросъ ставится иначе, когда рѣчь идетъ о *поддержаніи* государства (Erhaltung).

Поддержаніе государства никогда не можетъ быть дѣломъ единичной личности или немногихъ—это дѣло всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, большей части членовъ общества. Если предположить, что массы не имѣютъ интереса въ поддержаніи государства или

*) Der Einfluss der herrschenden Ideen des 19 Jahrhunderts auf den Staat. Т. II, стр. 68 и слѣд.

желаютъ его разрушенія, тогда государство гибнетъ, должно погибнуть и всё усилія отдѣльныхъ лицъ не будутъ въ состояніи поддержать его. Можно продолжать существованіе государства, связавъ съ нимъ интересы нѣкоторыхъ классовъ; продолжительная практика открыла рядъ средствъ, при помощи которыхъ государство можетъ быть поддержано на нѣкоторое время, даже противъ воли большинства; даже внѣшніе признаки внутренняго разложенія могутъ быть искусственно прикриты. Но государство, существованіе котораго сдѣлалось для его членовъ безразлично или стѣснительно, все-таки будетъ идти къ своей гибели, и на сколько гальванизмъ, приводящій въ движеніе члены тупа, не можетъ быть названъ жизнью, на столько и государство, отдѣльные члены котораго искусственно приводятся въ движеніе государственною властью, не можетъ быть отнесено къ числу живыхъ государствъ.

Итакъ, продолжаетъ Этвешъ, для того, чтобъ объяснить себѣ разумно великій фактъ существованія государства, мы, по необходимости, должны предположить *цѣль*, которая, по убѣжденію значительнаго большинства людей, можетъ быть достигнута *только чрезъ государство* и представляется всѣмъ достаточно важною, чтобъ они, для достиженія ея, добровольно подчинились ограниченіямъ, тѣсно связаннымъ съ существованіемъ государства.

Въ чемъ же состоитъ эта цѣль?

Для разрѣшенія этого вопроса, Этвешъ прежде всего отвѣчаетъ на другой: какимъ путемъ мы можемъ дойти до выясненія государственной цѣли?

Авторъ отвергаетъ путь, по которому шла до настоящаго времени политическая философія. Ученія о цѣляхъ государства, выведенныя изъ общихъ философскихъ понятій извѣстной школы, изъ основной философской идеи, найденной тѣмъ или другимъ мыслителемъ, кажутся ему (и справедливо) непригодными для жизни, потому что они не имѣютъ ничего общаго съ ея нуждами, практическими требованіями.

Если, говоритъ Этвешъ, опредѣленіе цѣли государства должно быть практически годно, то мы должны искать и выражать въ научной формѣ не то, въ чемъ отдѣльный ученый полагалъ *высшую* цѣль государства, но то, въ чемъ большинство народа старается найти ближайшую задачу государства.

Становясь на эту «народную» точку зрѣнія, Этвешъ приходитъ къ двумъ, по его мнѣнію, «аксіомамъ», которыя должны

служить руководящею нитью для дальнѣйшаго исканія государственной цѣли. Эти аксіомы состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Недѣлимый смотритъ на государство не какъ на цѣль, но какъ на средство, чрезъ которое онъ стремится осуществить извѣстные личныя цѣли, и принимаетъ на себя каждую жертву, необходимую для поддержанія государства лишь на столько, на сколько, по его мнѣнью, эти личныя цѣли могутъ быть достигнуты только чрезъ государство.

Эта аксіома содержитъ въ себѣ *положительное* указаніе на цѣль государства. Другая даетъ указанія *отрицательныя*, т. е., опредѣляетъ самыя границы государственныхъ задачъ. Она состоитъ въ слѣдующемъ:

2) Никто не пользуется, для достиженія своихъ цѣлей, отдаленными средствами, прежде чѣмъ онъ не признаетъ недостаточность ближайшихъ, и поэтому недѣлимый обращается къ государству для достиженія только такихъ цѣлей, о которыхъ онъ думаетъ, что онѣ не могутъ быть осуществлены ни собственными силами, ни другими средствами, требующими меньшихъ жертвъ, на примѣръ, небольшими ассоціаціями.

При помощи этихъ двухъ, не столько аксіомъ, сколько теоремъ, развиваемыхъ въ двухъ обширныхъ главахъ *), Этвешъ безъ труда приходитъ къ заключенію, что цѣль государства, во имя которой народъ его поддерживаетъ, принимаетъ на себя расходы на его содержаніе, переноситъ даже разныя злоупотребленія, — есть *безопасность*. Въ тотъ моментъ, говоритъ онъ, когда люди убѣдились бы, что безопасность можетъ быть достигнута и безъ государства, исполнилось бы желаніе Прудона **), и государство перестало бы существовать.

Выводъ, къ которому пришелъ Этвешъ, не новъ: это выводъ Локка, Канта и многочисленной школы строгихъ юристовъ. Оригиналенъ только способъ доказательства и великъ его успѣхъ не только въ германской литературѣ, но и въ другихъ странахъ ***). Въ теоріи Этвеша какъ-бы сосредоточились все воззрѣнія индивидуалистовъ на государство. Вотъ почему она из-

*) Тамъ же, стр. 73—95.

**) Ложно понятого Этвешомъ и нѣмецкими учеными вообще, скажемъ мы отъ себя.

***) См. на примѣръ восторженный отзывъ о книгѣ Этвеша въчиненіи со Лабле, L'Etat et ses limites.

ложена здѣсь довольно подробно. Она требуетъ обстоятельнаго разбора; возражая на нее, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, будемъ говорить противъ большинства западно-европейскихъ мыслителей — публицистовъ, экономистовъ, юристовъ, философовъ.

Если бы Этвешъ говорилъ объ отдѣльныхъ, конкретныхъ государствахъ, его теорія имѣла бы извѣстное практическое и научное значеніе. Определенное государство, не дающее гражданамъ ничего, *даже безопасности*, несомнѣнно вызоветъ сначала равнодушіе, потомъ вражду народа; оно разложится и погибнетъ или отъ внѣшняго врага, поддерживаемого апатією массъ, или отъ внутреннихъ раздоровъ. Исторія наполнена развалинами государствъ. Каждый помнитъ чудныя страницы «Развалинъ» Вольнея, гдѣ философъ-поэтъ съ горькимъ чувствомъ обращается къ прошедшему столькихъ народовъ, нѣкогда славныхъ и могущественныхъ. На развалинахъ великолѣпной Пальмиры философу пришла на память вся исторія этихъ нынѣ пустынныхъ странъ.

Обо всѣхъ этихъ царствахъ можно сказать то, что Вольней говоритъ о Пальмирѣ:

«Теперь вотъ что осталось отъ этого могущественнаго города — мрачный скелетъ! Вотъ что остается отъ обширнаго владѣнія — темное и тщетное воспоминаніе! Шумныя сходбища, собиравшіяся подъ этими портиками, замѣнились пустотою смерти. Могильная тишина замѣнила ропотъ улицъ и площадей. Роскошь торговаго города превратилась въ отвратительную бѣдность. Царскіе дворцы сдѣлались логовищемъ дикихъ звѣрей; стада отдыхаютъ на порогѣ храмовъ, и нечистые гады обитаютъ въ святилищѣ боговъ!... Ахъ, какъ исчезло столько славы! Какъ погибло столько трудовъ!... Такъ погибаютъ дѣла людей, такъ исчезаютъ царства и народы» *)!

Но одно ли отсутствіе государственнаго порядка и безопасности имѣло вліяніе на гибель «народовъ и царствъ»? «Развалины», оплаканныя Вальнеемъ, суть продуктъ не одного неисполненія государствомъ своихъ судебно-полицейскихъ обязанностей. Подъ колоннами Ниневіи, портиками Пальмиры, зданіями Рима гибло не одно «юридическое» государство — *Rechtsstaat*, гибло народное творчество, народная нравственность, предприимчивость — цѣлая культура, создавшая определеннй типъ государства и погибшая

*) Les Ruines,

вмѣстѣ съ нимъ. Общества погибшихъ государствъ не «отступились» отъ нихъ, по правиламъ двухъ «аксіомъ» Этвеша, но погибали вмѣстѣ съ своею политическою формою.

Конечно, и «безопасность» играетъ въ этомъ вопросѣ не малую роль и, повторяемъ, соображенія Этвеша могутъ имѣть свой вѣсъ.

Но вотъ гдѣ начинается рядъ произвольныхъ скачковъ. Изъ того, что отдѣльныя государства разрушались, если не удовлетворяли своему назначенію, авторъ заключилъ, что государственная форма *вообще* можетъ погибнуть, если члены его убѣдятся, что главная, по мнѣнію Этвеша, цѣль государства—безопасность—можетъ быть достигнута безъ него.

На основаніи тѣхъ же соображеній, онъ заключилъ, что причина *бытія* государства вообще, *основаніе* его авторитета надъ людьми, есть та *цѣль*, которой оно служить.

И тотъ и другой выводъ, согласный съ установившимися представленіями огромнаго большинства лицъ, воспитанныхъ на началахъ философіи права, не выдерживаетъ критики.

«Массы», на которыя ссылается Этвешъ, не думаютъ обыкновенно, что цѣль государства состоитъ единственно въ охраненіи безопасности, и что, переступая это назначеніе, государство вооружаетъ противъ себя народъ и рискуетъ погибнуть.

«Массы» изъ гибели отдѣльныхъ государствъ, не заключали о негодности государственной формы вообще и не помышляли о возможности жить внѣ государственнаго общенія.

Здравые научные приемы не позволяютъ искать причины бытія государства и основанія его авторитета въ понятіи его цѣли.

Эти своего рода «теоремы» нуждаются въ извѣстныхъ доказательствахъ, которыя и идутъ влѣдъ за симъ.

II.

ТРЕБОВАНІЯ ЖИЗНИ.

Этвешъ, отводя государству сферу судебно-охранительной дѣятельности, взываетъ къ чувству и сознанію массъ. Но «массы», въ тѣ моменты, когда имъ приходилось играть дѣятельную роль на политической сценѣ, выражали мысли, не совсѣмъ согласныя съ вышеприведенными, и заслуживали серьезнаго порицанія

со стороны философовъ, юристовъ и экономистовъ, раздѣлявшихъ воззрѣнія, подобныя взгляду Этвеша.

Въ числѣ политическихъ памфлетовъ Фредерика Бастіа, который бы подписался подъ каждою строкою сочиненій Этвеша, Лабуле, Жюля Симона и т. д., есть одинъ, специально посвященный осмѣянію воззрѣній французскихъ народныхъ массъ на государство. Она называется «Государство» *). Знаменитый экономистъ взялъ на себя трудъ составить списокъ нелѣпыхъ, по его мнѣнію, требованій гражданъ отъ государства. Должно отдать ему честь, что эти требованія изложены имъ въ наиболѣе смѣшной формѣ. Но «списокъ» заслуживаетъ большого вниманія.

Сто тысячъ голосовъ въ печати и съ трибуны, говоритъ Бастіа, кричатъ государству:

Организуйте трудъ и рабочихъ.
Искорените эгоизмъ.
Подавите дерзость и тиранію капитала.
Дѣлайте опыты надъ навозомъ и яйцами.
Покройте страну желѣзными дорогами.
Оросите равнины.
Взростите лѣсъ на горахъ.
Устройте образцовыя фермы.
Организуйте мастерскія.
Колонизуйте Алжиръ.
Вспаивайте дѣтей.
Обучайте юношество.
Помогайте старости.
Пошлите въ деревни жителей городовъ.
Занимайте безъ процентовъ деньги желающимъ.
Освободите Италію, Польшу и Венгрію.
Воспитывайте и улучшайте верховыхъ лошадей.
Поощряйте искусство, образуйте намъ музыкантовъ и танцовщицъ.

И т. д.

Въ заключеніи слѣдуютъ слова Ламартина: «государство имѣетъ миссію просвѣщать, развивать, возвеличивать, укрѣплять, одухотворять и освящать душу народовъ».

Изъ этой коллекціи нелѣпыхъ, или нелѣпо-формулированныхъ требованій видно, что, по мнѣнію «массъ», государство имѣетъ извѣстное отношеніе не только къ *безопасности*, но и ко *всѣмъ*

*) Oeuvres complètes, IV, стр. 327—341.

сторонамъ народной жизни. Оно, по мнѣнію, массъ предназначено къ содѣйствію народному образованію, экономическому прогрессу, улучшенію путей сообщенія, къ общественной благотворительности, къ поддержанію достоинства страны во внѣшнихъ сношеніяхъ, къ выполненію историческаго призванія народа.

И какое государство не признаетъ этихъ задачъ своими? Бастія находитъ возмутительною первую статью введенія къ конституціи 1848 года, которая содержитъ въ себѣ слѣдующее невинное заявленіе:

«Франція приняла форму республики. Принимая эту окончательную форму правленія, она поставила себѣ цѣлью идти болѣе свободно по пути прогресса и цивилизаціи, обезпечить болѣе справедливое распредѣленіе тягостей и выгодъ общежитія, увеличить благосостояніе каждаго чрезъ постепенное уменьшеніе государственныхъ расходовъ и налоговъ и привести всѣхъ гражданъ, безъ новыхъ потрясеній, послѣдовательнымъ и постояннымъ дѣйствіемъ законовъ и учреждений, къ постоянно возвышающемуся уровню нравственности, просвѣщенія и благосостоянія».

Къ какой странѣ, къ какой правильной формѣ правленія не шло бы это заявленіе? Еслибъ извѣстная страна организовалась въ монархію и правительство объявило бы: страна N приняла эту форму правленія для того, чтобы (слѣдуетъ введеніе къ конституціи 1848),—кому бы это заявленіе показалось нелѣпымъ и возмутительнымъ?

Нелѣпость и возмутительность заключались не въ заявленіи, а въ томъ, что слабое и неспособное правительство республики не могло его выполнить или выполнило весьма неудачно.

Но вотъ другое государство, сдержавшее свое обѣщаніе—американское. Въ конституціи этой страны, этомъ прибѣжищѣ индивидуализма, нельзя найти мысли, что государство существуетъ исключительно для огражденія безопасности.

«Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, говоритъ введеніе къ этой конституціи, издали и утвердили эту конституцію для того, чтобъ образовать болѣе совершенное единство, установить правосудіе, обезпечить внутреннее спокойствіе, содѣйствовать общей защитѣ, увеличить общее благосостояніе и упрочить какъ для себя, такъ и для потомства благодѣянія свободы».

Опредѣляя обязанности федеральнаго конгресса, конституція не сводитъ ихъ къ защитѣ внѣшней и внутренней безопасности. Конгрессъ имѣетъ право и обязанъ: регламентировать торговлю

съ иностранными государствами, между отдѣльными штатами и индійскими племенами; бить монету, опредѣлять ея цѣнность, также какъ и цѣнность ввозной монеты, опредѣлять образцы мѣръ и вѣсовъ; учреждать почты и почтовые станціи; поощрять усовершенствованіе наукъ и полезныхъ искусствъ и т. д.

Американское государство сочло себя въ правѣ поднять всю страну для освобожденія негровъ, уничтоженія рабства и поддержанія единства страны:—могло ли оно встрѣтить слово порицанія?

Можно было бы сотнями привести примѣры того, что дѣлаетъ государство во всѣхъ странахъ, и наиболѣе свободныхъ, кромѣ охраненія безопасности. Это будетъ сдѣлано въ своемъ мѣстѣ. Но приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства, что теорія безопасности есть не убѣжденіе массъ, но достойное извѣстнаго класа лицъ, усвоившихъ себѣ это воззрѣніе, подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ обстоятельствъ и опредѣленныхъ философскихъ и экономическихъ ученій.

Буржуазія, вступившая въ борьбу съ государствомъ въ его абсолютно-монархической формѣ, внесла въ политическій міръ и утвердила въ немъ принципъ *личной свободы*. Идея эта, какъ бы по закону логическаго противоположенія, приняла, подъ вліяніемъ буржуазіи, крайнюю форму *индивидуализма*.

Индивидуализмъ, по меткому опредѣленію Луи-Блана, *) «береть человѣка внѣ общества и независимо отъ общества и дѣлаетъ его единственнымъ судьей его самого и всего, что его окружаетъ, даетъ ему преувеличенное чувство своихъ правъ, не указывая его обязанностей **), предоставляетъ его собственнымъ его силамъ и вмѣсто всякаго правительства провозглашаетъ полный произволъ».

Индивидуализмъ—теорія личной свободы, безъ понятной *солидарности* членовъ общества, безъ идеи живой общности интересовъ, требующихъ иногда совокупнаго, иногда правительственнаго дѣйствія.

Понятно, какъ должна быть опредѣлена цѣль государства съ точки зрѣнія индивидуализма, хотя онъ и претендуетъ быть

*) Исторія французской революціи.

**) Одинъ изъ дѣятелей первой революціи, аббатъ Грегуаръ, еще въ тѣ времена замѣтилъ, что новые законодатели много говорятъ о «справахъ» и ничего объ обязанностяхъ.

главную опору государственности и истинного «порядка». Замѣчательно, что въ лагерѣ лицъ, считающихся противниками «порядка» и вождями «разрушенія», можно найти гораздо возвышеннѣйшія воззрѣнія на цѣль государства и его значеніе для человѣчества. Таковы воззрѣнія Лассалья, хотя во многихъ отношеніяхъ съ ними нельзя согласиться. «Воззрѣніе буржуазіи, говоритъ Лассаль, состоитъ въ томъ, что государство имѣетъ цѣлью исключительно лишь обезпеченіе каждому безпрепятственного пользованія своими силами.

«Эта идея была бы удовлетворительна и нравственна, еслибы все мы были равно сильны, равно ловки, равно образованы, равно богаты. Но такого равенства нѣтъ и *быть не можетъ*; поэтому такая мысль *недостаточна* и по своей недостаточности приводитъ къ глубоко-безнравственнымъ выводамъ».

Показавъ, въ чемъ состоитъ недостаточность этого воззрѣнія на цѣль государства, Лассаль замѣчаетъ иронически: «Еслибы буржуазія хотѣла послѣдовательно договориться до послѣдняго слова, она должна была бы признаться, что по этой идеѣ ея, съ исчезновеніемъ воровъ и разбойниковъ, государство становится лишнимъ».

Если читатель вспомнитъ замѣчаніе Этвеша о томъ, «когда люди убѣдились бы, что безопасность можетъ быть достигнута безъ государства, — оно перестало бы существовать», то онъ увидитъ, что буржуазія даже выговорила это «послѣднее слово».

Лассаль развиваетъ свое воззрѣніе на цѣль государства слѣдующимъ образомъ:

«Безпрепятственное и свободное пользованіе личностью, своими *личными* силами, само для себя недостаточно, и для нравственной соціальной жизни необходимы сверхъ того: *солидарность* интересовъ, *общность* и *взаимность* въ развитіи.

«Исторія есть борьба съ природой, съ нищетой, невѣжествомъ, безсиліемъ и всяческой неволей, въ которой мы находились, когда родъ человѣческой начиналъ свою исторію. Постепенное преодоленіе этого безсилія есть развитіе свободы, которое представляетъ исторію.

«Мы никогда не сдѣлали бы шага впередъ въ этой борьбѣ, еслибы вели ее каждый самъ по себѣ, каждый—одинъ.

«Совершить это развитіе свободы, развитіе рода человѣческаго для свободы есть *функции государства*.

«Государство есть единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ, —единство, умножающее въ миліоны кратъ силы

всѣхъ личностей, вступившихъ въ это единеніе, въ милліоны кратъ увеличивающее индивидуальныя силы каждой изъ нихъ.

«Слѣдовательно, цѣль государства не въ томъ, чтобы охранять личную свободу и собственность индивидуума, которыми, по буржуазной идеѣ, индивидуумъ будто бы уже обладаетъ при вступленіи своемъ въ государство; нѣтъ, цѣль государства въ томъ, чтобы соединеніемъ индивидуумовъ доставить имъ возможность достигать высшихъ ступеней существованія, недостижимыхъ для одинокой личности, дѣлать ихъ способными приобрѣтать такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, которая немыслима для отдѣльнаго человѣка.

«Итакъ, цѣль государства—*положительно развивать и постепенно совершенствовать человѣка*; другими словами: *осуществлять* назначеніе человѣка, т. е., культуру, къ которой человѣческій родъ способенъ. Государство *) есть воспитатель и развиватель человѣчества въ свободѣ».

Идеи, сформулированныя Лассалемъ, конечно, не новы. Онѣ лежатъ въ основѣ политической философіи древней Греціи. Онѣ, только другими словами, изложены еще въ «Политикѣ» Аристотеля. «Совершеннѣйшая форма общежитія, говоритъ послѣдній, есть государство—такая форма, въ которой общественная жизнь, во всѣхъ отношеніяхъ, можно сказать, достигаетъ высшей степени благосостоянія. Происходя просто по нуждѣ жизни, государство, въ сущности своей, есть среда счастливой жизни» (**).

Такимъ образомъ «массы» если не съ полнымъ рациональнымъ сознаніемъ основаній, то, по крайней мѣрѣ, инстинктивно видятъ въ государствѣ не только высшее средство обезпеченія, *огражденія* личныхъ силъ, но высшую форму человѣческаго *общенія*.

Основаніе государства, его значеніе—не только въ системѣ юридическихъ гарантій, доставляемыхъ имъ каждой отдѣльной личности, но въ общности и взаимности развивающихся въ немъ интересовъ и чрезъ него получающихъ свое осуществленіе.

Государство—не только юридическое, но и культурное явленіе; оно связано не только съ интересами права, но и съ интересами промышленности, просвѣщенія, народнаго здравія, продовольствія, благотворительности и т. д.

Разрушеніе государственной формы вообще означало бы не

*) Лассаль имѣеть, конечно, въ виду идею государства.

**) Политика, книга I, гл. 1.

только отмѣну извѣстнаго способа осуществленія правъ и огражденія безопасности, но уничтоженіе извѣстной *формы человѣческаго общенія*. Оно предполагало бы возвращеніе человѣчества къ *низшимъ* формамъ общежитія, изъ которыхъ нѣкогда, путемъ болѣзненнаго историческаго процесса, путемъ лишеній и жертвъ, выработалась государственная реформа.

Вотъ почему, не смотря на гибель отдѣльныхъ государствъ, никогда не заходило рѣчи объ уничтоженіи *государственной формы вообще*; напротивъ, въ рядѣ отдѣльныхъ государственныхъ типовъ, уступавшихъ мѣсто другъ другу, форма государства совершенствовалась, идея его возвышалась, расширялась и, въ результатѣ, государство дѣлалось *сильнѣе*, задачи его становились сложнѣе, средства разнообразнѣе.

Между тѣмъ цѣлая и многочисленная школа доказываетъ необходимость ограниченія государственной идеи, ея цѣлей, указываетъ на возможность полнаго уничтоженія государственности.

На чемъ основано это противорѣчіе или, лучше сказать, недоумѣніе?

III.

ВОПРОСЪ УСЛОЖНЯЕТСЯ.

Когда рѣчь идетъ о «государствѣ», о его цѣляхъ, средствахъ, объемѣ и т. д., необходимо имѣть въ виду два элемента, соединенные въ этомъ общемъ понятіи.

Слово государство имѣетъ этнографическое и общественное значеніе. Именемъ государства обозначается извѣстное *національное общество*, народность, члены которой связаны между собою или общностью происхожденія, языка, или общностью территоріи— всегда нравовъ, обычаевъ, общностью историческаго прошлаго, симпатій и антипатій и т. д.,—словомъ, подъ именемъ государства мы часто разумѣемъ «землю» (раус), страну съ ея народомъ въ ихъ исторически сложившемся единствѣ. Съ этой точки зрѣнія «государство» есть понятіе общественно-культурное.

Но за тѣмъ подъ именемъ государства, въ противоположность этого понятія къ понятію *личности* и *общества*, разумѣютъ извѣстную совокупность учреждений, въ которыхъ сосредоточены все права и функціи *государственной власти*. Съ этой точки зрѣнія названіе «государства» примѣняется къ одному

лишь общественному элементу—элементу авторитета, власти и ея органовъ.

Эта мысль можетъ быть выражена короче. Каждое государство, какъ законченный политическій организмъ, состоитъ изъ осѣдлаго народа, управляемаго опредѣленною политическою властью. Слѣдовательно, каждое государство слагается изъ трехъ существенныхъ элементовъ: народа, государственной территоріи и политической власти. Обыденный языкъ часто раздѣляетъ эти элементы и обозначаетъ словомъ государство то опредѣленный народъ съ его территоріей, то учрежденіе власти.

Но съ научной и философской точки зрѣнія понятіе государства слагается изъ всѣхъ трехъ элементовъ, одинаково существенныхъ для его бытія. Общество, хотя бы осѣдлое, развитое, разчлененное на класы, не составляетъ государства, если въ немъ нѣтъ особой, національной политической власти. Присутствіе въ извѣстномъ національномъ обществѣ особой политической власти есть признакъ его политической независимости, его внѣшней самостоятельности среди другихъ народовъ и государствъ,—доказательство, что оно составляетъ *полноправную личность* въ международныхъ отношеніяхъ. *Ирландское общество* не самостоятель въ политическомъ отношеніи, потому что у него нѣтъ своей, національной власти; оно не составляетъ особаго государства, признаннаго субъектомъ международныхъ отношеній.

Обусловливая внѣшнюю законченность и самостоятельность политическаго общества, государственная власть довершаетъ и внутреннюю его организацію. Существованіе въ обществѣ государственной власти, какъ *особаго* элемента, есть признакъ сравнительно высшей культуры, доказательство, что общество достигло высшей формы общежитія—сравнительно съ прежними формами.

До образованія государственной формы, права и функціи политической власти находились въ рукахъ извѣстныхъ *властей*, выработанныхъ первобытными формами общества. Права законодательства, суда и управленія находились послѣдовательно въ рукахъ отца семейства, патріарха-родоначальника, собранія родовыхъ старшинъ, вотчинника—феодала и т. д.

Два признака отличали этотъ порядокъ вещей.

Права и функціи власти были соединены съ *частными* правами лицъ, ими облеченныхъ. Они какъ-бы вытекали изъ нихъ. Родоначальникъ изъ своей отеческой власти выводилъ право на жизнь

и смерть своихъ подчиненныхъ, на внутреннее управленіе дѣлами рода, на веденіе внѣшнихъ сношеній и т. д. Феодалный вотчинникъ видѣлъ въ судѣ одно изъ своихъ поземельныхъ правъ, статью дохода. Власть не была въ это время общественною должностію, предназначенною для осуществленія общественныхъ интересовъ.

При такой системѣ *частныхъ* властей, политическая жизнь представлялась чѣмъ-то разрозненнымъ. Племена, роды, феодалныя владѣнія не имѣютъ внутренней связи; они неспособны къ общности національной жизни. Самыя условія этой жизни, и больше всего юридическія условія, не представляютъ однообразія, единства, необходимыхъ для правильного общенія.

Процессъ образованія государственной власти состоитъ въ томъ, что права и функціи политической власти постепенно конфискуются у всѣхъ частныхъ властей. Феодалы лишаются права законодательства, суда, правъ управленія финансоваго, полицейскаго, права частныхъ войнъ и т. д. Всѣ эти права сосредоточиваются въ рукахъ одного лица или учрежденія, дѣйствующаго во имя общественныхъ интересовъ, дѣлаются существенными *атрибутами* верховной власти. Поэтому этотъ процессъ можетъ быть названъ *сосредоточеніемъ* или *централизаціею* власти. Смыслъ сосредоточенія власти не состоитъ въ томъ, что вмѣсто многихъ родоначальниковъ, вотчинниковъ и т. д. остается *одинъ*. Централизованная власть сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ только часть функцій прежнихъ властей, именно функціи, имѣющія политическое значеніе.

Единство власти приводитъ къ единству и однообразію всѣхъ условій общенія, что допускаетъ возможность болѣе широкаго и всесторонняго общенія. Единство законодательной власти устанавливаетъ единство и равенство въ правахъ и обязанностяхъ, централизація суда ведетъ къ единообразному примѣненію и охраненію законовъ, единство администраціи—къ общности силъ и мѣръ въ осуществленіи разныхъ общественныхъ интересовъ *). Такъ вмѣстѣ съ образованіемъ центральной политической власти образуется и самое *государство*, какъ форма человѣческаго об-

*) Здѣсь мы разъ навсегда должны замѣтить, говоря о единствѣ и централизаціи, что мы разумѣемъ централизацію *политическую*, т. е., сосредоточеніе высшихъ элементовъ правленія. Мы не имѣемъ здѣсь въ виду важныхъ вопросовъ объ *административной* децентрализаціи и самоуправленіи.

щенія, какъ разнообразное и единое въ своемъ разнообразіи политическое общество.

Изъ этихъ немногихъ соображеній видно, что вопросъ о «разрушеніи» государства представляется не столь простымъ, какъ въ теоріи «безопасности», но весьма сложнымъ и труднымъ.

IV.

ОБРАЗЪ СМЕРТИ.

Подобно тому, какъ самое понятіе «государство» имѣетъ довольно разнообразное значеніе, такъ и выраженіе «разрушить государство» означаетъ весьма многое.

Разрушеніе какого бы то ни было явленія органическаго и нравственнаго міра означаетъ разрушеніе всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Мы указали уже на элементы сложнаго явленія, которое называется общимъ терминомъ—государство. Какіе же изъ этихъ элементовъ имѣются въ виду, когда рѣчь идетъ о его разрушеніи?

Всѣмъ извѣстно, какими признаками сопровождается гибель государствъ. Кто не можетъ вывести ихъ аргіогі, тотъ пусть обратится къ несомнѣннымъ историческимъ фактамъ. Гибель государства означаетъ, что территория его распадается, общество раздѣляется и культура его блекнетъ, творческая сила изсякаетъ, институты національной власти слабѣютъ, гибнутъ, наступаетъ всеобщее безначаліе (анархія), народность теряетъ всякое значеніе, голосъ ея не уважается въ международныхъ сношеніяхъ, права ея попираются врагами; въ концѣ этого списка признаковъ стоитъ одно слово—*смерть*.

Эта *смерть* народности имѣетъ двоякую форму—или форму смерти физической, дѣйствительной, то есть, вымиранія народности,—или форму смерти политической, завоеваніе государства другимъ, раздѣленіе его между сильными сосѣдями, то есть, подчиненія его чужой политической власти.

Исторія знаетъ примѣры физической смерти государствъ. Востоку, наполненный прежде многочисленными государствами, теперь обезлюдѣлъ; великолѣпныя развалины древнихъ городовъ стоятъ въ пустынь. По исчисленію Юсіфа Флавія и Страбона, въ

одной Сиріи нѣкогда было до 10 мил. жителей. Когда Вольней посѣтилъ эти мѣста, въ нихъ было едва лишь два милліона. Нужно ли говорить о вымираніи американскихъ народностей, доказательства государственной жизни которыхъ отрываются подъ землею, отыскиваются въ лѣсахъ и сованнахъ новаго міра? «Я посѣтилъ эти мѣста, бывшія театромъ такого блеска, и нашелъ только пустыню.... Я искалъ древнихъ народовъ и ихъ дѣла, и видѣлъ только слѣдъ ноги, подобный слѣду ноги прохожаго въ прахѣ. Храмы распались, дворцы разорены, гавани завалены, города разрушены, и земля, не имѣющая жителей, не что иное, какъ заброшенное кладбище» (Вольней).

Примѣры политической смерти у всѣхъ на глазахъ. Славное болгарское царство—подъ владычествомъ Турціи, Чехія подчинена Австріи, Польша раздѣлена между тремя сильными сосѣдями, громадная испанская монархія распалась сама собою.

И при каждой изъ такихъ смертей, члены политическаго общества видѣли не одну только гибель элемента «безопасности». Они чувствовали, что съ государствомъ гибнуть они сами, гибнетъ созданный ими культурный типъ, ихъ идеалы, символъ и условіе ихъ политической независимости. Даже частичное видоизмѣненіе государства болѣзненно отзывалось на политическомъ тѣлѣ. Съ какою болью, съ какимъ судорожнымъ страданіемъ оторвала отъ себя Франція Латарингію и Эльзась—эти сравнительно новыя провинціи французскаго государства!

Нѣтъ! «Массы», дѣйствовавшія въ исторіи, заявившія себя славными подвигами, никогда не думали о разрушеніи государства. Онѣ стремились или къ образованію *своего* государства, и потому *отдѣлялись* отъ какого нибудь другого политическаго тѣла: такъ Американскіе Штаты отдѣлились отъ Англіи, Бельгія отъ Нидерландовъ;—или видоизмѣняли его форму: вводили народное представительство, устанавливали федерацію, централизацію, административную децентрализацію, самоуправленіе, вводили систему раздѣленія властей и т. д., но никогда не думали о разрушеніи государства, потому что въ глазахъ *историческаго* человѣчества—человѣчества, дѣйствовавшаго до настоящаго времени,—разрушеніе государства означало:

1) или утрату высшей формы общежитія и отступленіе къ нисшимъ,

2) или потерю международной самостоятельности и всѣхъ условій самобытности,

3) или отсутствіе всякаго организующаго начала, безначаліе, анархію—словомъ:
или разложеніе, или смерть.

V.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ СМЕРТИ РАДИ ВУДУЩЕЙ ЖИЗНИ.

Но современная теорія «не хочетъ смерти народовъ, но еже спастися имъ и въ разумъ истины пріити».

Провозглашая *возможность* разрушенія государственной формы, или *требуя* его, какъ это дѣлають ораторы международнаго союза рабочихъ, ораторы новыхъ «массъ», порожденныхъ недостатками западно-европейской культуры, новѣйшія стремленія имѣють въ виду начать новую эру человѣческаго развитія, для которой государственная форма непригодна, какъ «отжившая и стѣснительная».

Съ точки зрѣнія *новой ступени* развитія человѣчества, высшей формы человѣческаго общенія, государственность должна быть разрушена во всѣхъ своихъ элементахъ.

Государственная *территорія* и государственная *народность*, съ ихъ точно опредѣленными границами, съ замѣнутымъ единствомъ интересовъ, симпатій и антипатій, спорами за границы, за экономическое и военное преобладаніе, представляются препятствіями къ осуществленію болѣе широкой формы человѣческаго общенія—«организма человѣчества», какъ обыкновенно выражаются.

Поэтому современные политическія народности не должны болѣе составлять сильное, централизованное цѣлое, но должны быть разчленены, раздѣлены на мелкіе первоначальные союзы—общины, изъ которыхъ составятся союзы большаго размѣра, и наконецъ *федерация* *человѣчества*.

Государственная *власть*, то есть, начало политическаго авторитета, стѣсняетъ развитіе личности, самостоятельность мѣстныхъ союзовъ, силою централизаціи поддерживаетъ государственное единство и обособленность націи, а потому она должно быть уничтожена или, по крайней мѣрѣ, доведена до *minimum'a*.

Такимъ образомъ полемика (а иногда и самое дѣйствіе, какъ доказывали пожары и грабежи въ Парижѣ послѣ 18 марта 1871 г.) сосредоточивается около двухъ вопросовъ:—вопросъ о госу-

дарственной формѣ человѣческаго общенія, то есть, о *народности* въ политическомъ мірѣ и вопросѣ о принципѣ *авторитета* въ человѣческихъ обществахъ.

Для правильной оцѣнки этого явленія, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее важное обстоятельство.

Критическое отношеніе къ государству въ наше время рѣзко отличается отъ подобнаго же отношенія къ политическимъ вопросамъ въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Рационально-метафизическая философія XVII и XVIII столѣтій, полагая разумъ источникомъ и орудіемъ познанія, стремилась не къ разрушенію государствъ, а къ тому, чтобы система государственныхъ и общественныхъ отношеній была объяснена, выведена и построена на началахъ разума а priori. Съ точки зрѣнія метафизики, каждое явленіе внѣшняго міра только тогда имѣетъ достаточное основаніе, только тогда можетъ быть признано необходимо существующимъ, когда оно объясняется логически и а priori началами разума. Опытъ говоритъ только, что извѣстное явленіе существуетъ, но не можетъ доказать, что оно не можетъ не существовать или принять другую форму. Только апіорное доказательство необходимости явленія есть доказательство дѣйствительное, безусловное.

Метафизическая философія, съ своей точки зрѣнія, «оправдала существованіе государства предъ разумомъ»; она нашла рациональное основаніе бытія государства, то есть, доказала его безусловную необходимость а priori. Превращеніе эмпирическихъ, опытныхъ, основъ государства въ апіорныя, безусловныя начала разума есть *положительная* сторона ея дѣятельности.

Но дѣятельность эта представляетъ и *отрицательную* сторону, во имя которой философія XVIII столѣтія можетъ быть названа разрушительною, или, какъ выражается О. Контъ, *революціонною метафизикою*. Сводя принципы государственнаго устройства къ началамъ разума, рациональная философія сдѣлала, вмѣстѣ съ тѣмъ, разумъ *судьею* всего существующаго строя и отдѣльныхъ его вліяній. Государство и его институты могутъ быть оправданы разумомъ и построены на рациональныхъ основаніяхъ. Но не все существующее въ государствѣ и не всякое государство въ данной, исторической, формѣ, соответствуетъ *принципамъ разума*, а потому не имѣетъ рациональнаго права на существованіе. Философская система госу-

дарства, непосредственно выведенная из началъ разума, во многихъ отношеніяхъ расходится съ *положительною* системою государственнаго устройства. Безъ сомнѣнія, апіорное, необходимое и безусловное должно имѣть преимущество предъ историческимъ, опытнымъ, а потому (съ точки зрѣнія метафизики) — случайнымъ. Такимъ образомъ является возможность и необходимость осужденія и отрицанія разныхъ установившихся государственныхъ формъ и отдѣльныхъ политическихъ институтовъ.

Дѣломъ философіи XVIII столѣтія было возвести систему политическихъ учрежденій къ «естественнымъ» началамъ разума и изъ этихъ началъ составить систему *естественнаго права*. Но естественное право и право положительное, принципъ разума и продуктъ опыта — жили еще въ мирѣ и согласіи между собою. Если продуктъ опыта противорѣчилъ принципу разума, то противорѣчіе, въ глазахъ мирныхъ философовъ, легко и удобно разрѣшалось понятіемъ человѣческой свободы, которая можетъ создать для политической жизни такія условія, какія человѣкъ, по своему усмотрѣнію, сочтетъ нужными. Разумъ осуждаетъ рабство и деспотизмъ. Но, говоритъ Гроцій *), свободный человѣкъ можетъ добровольно сдѣлаться рабомъ другого, и цѣлый народъ можетъ отдать себя въ распоряженіе деспотической власти. Философія XVIII столѣтія не разчленяла уже до такой степени идеи человѣка и его способностей. Воля не была, въ ея глазахъ, способностію совершенно отличною отъ разума, имѣющею возможность идти съ нимъ въ разрѣзъ. Кантъ опредѣляетъ волю какъ способность дѣйствовать по *разумнымъ* представленіямъ. Воля есть *практическій* разумъ. Дѣятельность ея должна быть направлена безусловными требованіями ума, категорическими императивами. Отсюда понятно, что между началами естественнаго права и фактами права положительнаго не можетъ быть компромиса, сдѣлки. Недостатки положительнаго права потеряли свое убѣжище — добрую волю человѣка, которая можетъ съ ними помириться и дать имъ свою санкцію. Въ понятіяхъ Руссо, человѣкъ уже не можетъ отказаться отъ своей свободы — безусловнаго требованія разума и нравственности. Государство должно быть устроено по извѣстнымъ принципамъ разума.

Такимъ образомъ философія XVIII столѣтія къ прежнему вопросу: *въ чемъ состоятъ рациональныя основанія политиче-*

*) De jure belli ac pacis.

скаго порядка (вопросъ догматическій, разработанный философией XVII столѣтія), — прибавляетъ другой: *какъ должно быть организовано государство согласно безусловнымъ требованіямъ разума?* (вопросъ критическій). Поэтому политическая философія принимаетъ если не форму, то характеръ проектовъ преобразованія государства на раціональныхъ началахъ. Знаменитый трактатъ объ «общественномъ договорѣ» Руссо есть какъ-бы проектъ новой конституціи обществъ, которая должна быть приведена въ дѣйствіе, когда обстоятельства это позволяютъ. Такимъ обстоятельствомъ и была французская революція.

Съ французской революціи идетъ рядъ попытокъ преобразовать форму государства на раціональныхъ основаніяхъ. Форма эта преобразовывалась и преобразовывается, но метафизика, въ собственномъ смыслѣ, поставила вѣ сомнѣнія *вопросъ о необходимости существованія государства*. По ученію Канта, государство есть безусловное требованіе разума, государство должно существовать, потому что человекъ разуменъ. Въ ученіи Гегеля государство есть необходимый продуктъ діалектическаго развитія идеи воли. Можно смѣло сказать, что *идея государства*, по мнѣнію всѣхъ, довѣрявшихъ средствамъ раціонализма, вышла изъ французской революціи торжествующею и возвеличенною, именно по тому, что она окрѣпла какъ *идея*, а для общества, живущаго одними разсудочными представленіями, — фактъ, возведенный въ идею и «оправдавшій» себя предъ разумомъ, имѣеть безусловное право на существованіе.

Но въ самомъ существѣ раціонализма заключалось зерно разложенія только-что «оправданной» и возвеличенной имъ идеи. Поставивъ бытіе государства въ зависимость отъ требованій разума, раціонализмъ содержалъ въ себѣ возможность такого вывода:

Государство можетъ и должно прекратить свое существованіе, если человѣческой разумъ убѣдится въ несостоятельности и негодности этой формы общежитія.

Возможность такого вывода выражена положительно въ выше-приведенныхъ словахъ Этвеша. Но Этвешъ, подобно другимъ раціоналистамъ и индивидуалистамъ, высказавъ такое предположеніе, спѣшитъ доказать необходимость государства.

Въ другой школѣ или, лучше сказать, партіи, это логическое предположеніе переходитъ въ *практическое стремленіе*, требованіе, и притомъ требованіе, основанное на началахъ того же разума.

Дѣйствительно, разумъ не можетъ быть безусловнымъ основаніемъ *бытія* вещей, потому что, во 1-хъ, разумъ есть способность *субъективная*, и всѣ продукты его—представленія, мысли, по существу своему также субъективны. Тщетно философія стремится найти и обосновать *всеобщую* субъективность, то есть, совокупность требованій разума, безусловно обязательныхъ въ мірѣ нравственномъ и политическомъ. Последнее слово рачіонализма всегда будетъ *индивидуализмъ*, то есть, торжество частно-субъективнаго въ политикѣ и нравственности. Во 2-хъ, если даже мы допустимъ существованіе всеобщей субъективности, всеобщаго сознанія, то не иначе, какъ величины исторической, подчиняющейся условіямъ пространства и времени. Всеобщее сознаніе одной эпохи можетъ быть несогласно съ всеобщимъ сознаніемъ другой. Если эта историческая и видоизмѣняющаяся въ своемъ содержаніи величина будетъ признана творческою причиною *бытія* явленій нравственнаго и политическаго міра (а не только ихъ *формы*), въ такомъ случаѣ нельзя не признать за *волю*, направляемую сознаніемъ той или другой эпохи, права «отмѣнять» существованіе извѣстныхъ установленій. Въ 3-хъ «раціональныя начала» только тогда могли бы быть признаны за основу явленій, еслибы было доказано что *законы мышленія* и *законы реального бытія* тождественны, т. е., что развитіе явленій совершается логическимъ закономъ. Въ противномъ случаѣ то, что оправдываетъ разумъ, логика, можетъ быть не оправдано жизнью.

На этой почвѣ построены современныя теоріи «разрушенія» государства. Если матеріальная причина и условіе ихъ существованія заключаются во многихъ несовершенствахъ политическаго міра, то теоретическія ихъ основанія кроются въ существѣ и послѣдствіяхъ рачіонализма, царящаго до настоящаго времени въ политическихъ наукахъ. Одинъ-изъ *возможныхъ* выводовъ метафизической философіи или, лучше сказать, метафизическаго метода сдѣлался *положительною теорією*.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы рачіональный индивидуализмъ не противился въ настоящее время всѣми силами практическому осуществленію этой теоріи. Версальское правительство, правительство рачіональныхъ индивидуалистовъ (поддерживаемое, правда, по извѣстнымъ причинамъ, клерикалами), побѣдноно задавило попытку разрушенія государственнаго устройства. Но побѣждена ли самая *идея*? Возможно ли побѣдить ее

при существующихъ средствахъ государственной теоріи, упорно сохраняющей свой рационально-метафизическій характеръ?

Это весьма сомнительно, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ главъ, гдѣ мы постараемся показать, во 1-хъ, что можно возразить противъ теоріи разрушенія съ точки зрѣнія положительной науки, и, во 2-хъ, что отвѣчаетъ на эту теорію современная наука и практика.

VI.

РАЦИОНАЛЬНЫЯ НАЧАЛА И ЗАКОНЫ ИСТОРИИ.

Съ точки зрѣнія естественно-историческихъ условій образованія государства и общества, теорія разрушенія государства можетъ быть опровергнута безъ особеннаго труда. Говоря наиболѣе вѣжливымъ языкомъ, можно сказать, что въ практическомъ своемъ примѣненіи она встрѣтится съ такими препятствіями, на преодоленіе которыхъ потребуются десятки столѣтій.

Мы указали выше, что разрушительная критика направлена на два принципа современнаго государственнаго устройства—на принципъ *народности* и на принципъ *централизованной верховной власти* *). Изъ этого слѣдуетъ, что разрушеніе государства обуславливается уничтоженіемъ въ родѣ человѣческомъ двухъ существенныхъ элементовъ его развитія—народности и элемента власти, авторитета. И то и другое требуетъ безконечнаго ряда условій, изъ которыхъ здѣсь достаточно назвать важнѣйшія рубрики.

Национальности предполагается уничтожить не для того, чтобъ онѣ распались на древнія свои составныя части, что съ точки зрѣнія космополитизма было бы еще хуже, но для того, чтобъ онѣ слились въ «организмъ человѣчества».

Подобное «слияніе», предполагаетъ уничтоженіе всѣхъ націо-

*) Нельзя при этомъ не замѣтить, что принципъ *народности* признается принципомъ современнаго государства его противниками только по недоразумѣнію. Во *первыхъ*, рационально-индивидуалистическая философія права не признаетъ народность существеннымъ основаніемъ государства: съ ея точки зрѣнія, государство есть просто собраніе *недѣлимыхъ*. Во *вторыхъ*, многіе изъ современныхъ государствъ суть дѣйствительно искусственное сочетаніе разныхъ народностей. Ниже мы подробно разсмотримъ этотъ вопросъ.

нальных особенностей, зависящихъ отъ различія племени, языка, страны, религій, нравовъ, обычаевъ, экономического строя и т. д.,—особенностей, въ силу которыхъ каждая народность стремится составить политическое цѣлое, самостоятельное среди другихъ подобныхъ обществъ.

Изъ этого видно, что при разрѣшеніи вопроса о разрушеніи національностей мы имѣемъ дѣло не съ основаціями «раціональными», съ посылками и умозаключеніями, а съ совокупностію *стихійныхъ силъ*, подчиненныхъ неизмѣннымъ естественно-историческимъ законамъ.

Процессъ образованія народности подчиненъ законамъ образованія человѣческихъ породъ, языковъ, религій, зависитъ отъ условій *среды*, т. е. географическихъ, геологическихъ, ботаническихъ и т. д. особенной страны, сдѣлавшейся мѣстомъ осѣлости народа; онъ находится въ тѣсной связи съ образованіемъ экономического быта въ той или другой странѣ, отъ разныхъ комбинацій въ раздѣленіи занятій, въ распредѣленіи богатствъ и зависящаго отъ этихъ обстоятельствъ образованія и комбинаціи общественныхъ классовъ и т. д.

Всѣ эти условія и причины бытія народностей имѣютъ одинъ общій признакъ: они находятся внѣ власти человѣческой воли, не подчиняются формальнымъ законамъ логики. Отсюда сама собою обнаруживается несостоятельность приемовъ теоріи разрушенія народности. Признавая возможность и необходимость своей задачи, она ставитъ вопросъ слѣдующимъ образомъ:

Необходимо ли и дозволительно ли съ точки зрѣнія началъ разума существованіе народностей?

Отвѣчая на этотъ вопросъ отрицательно, она логически приходитъ къ необходимости разрушенія.

Подобный приемъ былъ бы умѣстенъ только въ томъ случаѣ, если бы самое *основаніе* народностей было въ началахъ разума. Но положительная наука должна прежде всего поставить вопросъ: гдѣ основаніе національныхъ различій? Естественныя науки, антропология, географія, филология и исторія дали бы ей отвѣтъ на этотъ вопросъ и одинъ могли бы дать его.

Но если основаніе народности—въ естественно-историческихъ условіяхъ страны и народонаселенія, то мы очевидно *не имѣемъ права* (т. е. научнаго права), говоря о разрушеніи народности, поставить вопросъ о томъ, «оправдываетъ» или не оправдываетъ разумъ ихъ существованія? Мы только въ правѣ и должны за-

дать себѣ слѣдующій вопросъ: представляютъ ли научные факты какія нибудь данныя въ пользу того, что условія, вліяющія на образование національных особенностей и самыхъ народностей, исчезнуть?

Самое смѣлое воображеніе не можетъ себѣ представить, чтобы люди когда нибудь пришли къ однообразной структурѣ тѣла, къ однообразнымъ психологическимъ проявленіямъ, заговорили бы однимъ языкомъ, чтобы самая земля, съ ея физическими особенностями, не имѣла больше вліянія на различіе культуръ и т. д. *). Такимъ образомъ естественно-историческія основанія народности даны непреходящими условіями внѣшняго міра и природы человѣка. Они, какъ и самыя народности, стоятъ внѣ вліянія «раціональных» началъ и субъективной воли.

Идемъ далѣе. Если существованіе или несуществованіе народности не зависитъ отъ субъективной воли, то точно такъ же независимы отъ раціональныхъ основаній и личнаго произвола и коренныя стремленія каждой народности, которыя она проявляетъ въ своей *исторіи*. Другими словами: эти коренныя стремленія каждой народности суть также *стихійныя силы*, подобно кореннымъ условіямъ ея отличія отъ другихъ. Между такими коренными стремленіями, стихійными началами каждой народности первое мѣсто занимаетъ стремленіе каждой національности образовать *самостоятельное національное общество*, съ *своею* территоріею и *своею* государственною властью. Исторія показываетъ намъ, что каждое племя, энергическое и способное къ развитію, стремилось укрѣпиться въ извѣстной странѣ, ассимилировать племена слабѣйшія, сложиться въ цѣльную народность, выработать самостоятельныя политическія учрежденія, — словомъ, образовать свое государство. Племена, обиженныя историческими условіями, считали для себя величайшимъ несчастіемъ, если имъ не удавалось составить независимое политическое общество и приходилось жить въ *чужомъ* государствѣ.

На сколько естественныя стремленія доступны раціональному объясненію, съ точки зрѣнія цѣлесообразности, на столько причина этого явленія можетъ быть объяснена слѣдующимъ образомъ.

*) Мы по необходимости ограничиваемся здѣсь этими краткими положеніями. Подробное развитіе доказательствъ ихъ составляетъ все содержаніе этого труда.

Стремленіе къ общежитію, *appetitus societatis*, въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ не есть безграничная, безпредѣльная сила, которая можетъ привести его къ полному и всестороннему общенію *eo vsumъ родомъ человѣческимъ*. Сила и полнота общенія зависятъ, какъ показываетъ опытъ исторіи, отъ *количества* тѣхъ признаковъ, въ отношеніи которыхъ люди представляютъ сходство, такъ что, вслѣдствіе этого, наиболѣе *общіе* признаки, признаки одинаково свойственные *всѣмъ* людямъ, не могутъ быть поставлены въ разрядъ *главныхъ связующихъ началъ общества*. Люди могутъ составлять общество не по тому, что они сходны между собою въ элементарныхъ способностяхъ разума, элементарныхъ потребностяхъ пищи, жилища и одежды и т. д., но по тому, что между отдѣльными группами людей существуютъ болѣе *частные* признаки сходства—признаки племенные, филологическіе и вообще культурные. Даже въ частной жизни легко замѣтить, что люди могутъ составить прочный союзъ только тогда, когда они согласны между собою не въ однихъ «общихъ основаніяхъ», но именно въ подробностяхъ, частностяхъ и оттѣнкахъ. Чѣмъ больше этихъ частныхъ признаковъ сходства, тѣмъ прочнѣе самыя условія общежитія. Слѣдовательно, *степень* единенія общественнаго обратно пропорціональна количеству признаковъ сходства между извѣстною группою людей. Группа лицъ, соединенная въ одно цѣлое общностью происхожденія, языка, религіи и т. д., всегда представитъ больше внутренняго единства, чѣмъ извѣстная масса людей, соединенныхъ между собою только единствомъ общечеловѣческихъ признаковъ. Мы можемъ и должны сказать даже больше: значеніе истинно *общественныхъ* началъ можетъ быть признано именно за этими *частными* признаками, за этимъ сходствомъ въ *подробностяхъ*. Это видно изъ характера того уметвеннаго процесса, посредствомъ котораго мы доходимъ до понятія общихъ признаковъ съ одной стороны, и частныхъ, съ другой.

Для того, чтобы составить себѣ понятіе объ *общихъ* признакахъ человѣка, какъ части человѣческаго рода, независимо отъ его видовыхъ особенностей, мы должны *исключить* изъ понятія человѣка все, что приходится въ это понятіе вслѣдствіе вліянія племени, мѣстной природы, языка, культуры и т. д. Восходя такимъ образомъ къ понятію общихъ признаковъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ *изолируемъ* идею человѣка, *отвлекаемъ* ее отъ общества. Съ точки зрѣнія общихъ признаковъ, человѣчество состоитъ изъ

массы однообразныхъ личностей, *атомовъ*, связанныхъ между собою только ихъ *индивидуальными* свойствами, хотя общими всѣмъ этимъ атомамъ. Космополитизмъ, слѣдовательно, есть послѣднее слово абстрактнаго индивидуализма.

Напротивъ, мы не можемъ составить себѣ понятія ни объ одномъ изъ частныхъ человѣческихъ признаковъ безъ представленія объ извѣстномъ общественномъ элементѣ, и даже формы общества—племени, говорящемъ на извѣстномъ языкѣ, занимающемъ опредѣленную часть земного шара и находящемся подъ вліяніемъ условій этой страны и т. д. Всѣ эти видовые признаки суть не только условія общенія, но и коренные *элементы* дѣйствительно существующихъ политическихъ обществъ. Они суть условіе того человѣческаго общенія, съ которымъ имѣють дѣло государственная и общественная наука.

Но легко замѣтить, что частные признаки, являясь условіями и элементами общенія для одной группы, въ то же время разобщаютъ ее съ другими. Единство происхожденія—элементъ *общенія* для одной группы человѣчества, но въ то же время элементъ *разъединенія*, различія ея отъ другихъ группъ. Вотъ почему, по неизбѣжному ходу вещей, извѣстная группа человѣчества, достигая полнаго внутренняго единства, подъ вліяніемъ своихъ отличительныхъ признаковъ, въ то же время выдѣляется, обособляется изъ общей массы человѣчества. Процессъ образованія общества распадается на два момента: 1) развитіе условій внутренняго *единства* въ опредѣленной группѣ людей, 2) *выдѣленіе* этой группы изъ общей массы человѣчества, подъ именемъ народности, національности.

Этотъ процессъ не исключаетъ возможности и необходимости *международнаго* общенія. Но это общеніе, какъ показываетъ самое его названіе, мыслимо въ формѣ отношеній между извѣстными и самостоятельными человѣческими *обществами*, но не въ формѣ *слиянія* этихъ народностей, ихъ *уничтоженія* въ «организмъ человѣчества».

Резюмируемъ эти соображенія.

Степень общественнаго единства зависитъ отъ *количества* тѣхъ признаковъ и условій, въ отношеніи которыхъ люди сходны между собою. Но чѣмъ больше становится количество признаковъ, общихъ для одной группы людей, тѣмъ больше эти признаки приобрѣтаютъ *частный* характеръ, тѣмъ тѣнѣе сливаются они съ понятіемъ опредѣленной группы людей, а потому

переходят въ элементы *различія* этой группы человѣчества отъ другихъ. Если мы представимъ себѣ общество людей, построенное на полной общности интересовъ и ихъ солидарности, мы необходимо должны предположить въ немъ множество признаковъ и условій, отличающихъ его отъ другихъ. Другими словами: полное общеніе интересовъ и дѣйствительное внутреннее единство можно найти только въ національномъ обществѣ. Вслѣдствіе этого такая форма общенія, такое единство, будетъ всегда сильнѣе, разнообразнѣе и полнѣе, чѣмъ общеніе, построенное на такъ называемыхъ общечеловѣческихъ интересахъ, на отвлеченномъ понятіи о единствѣ человѣческаго рода.

VII.

ГОСУДАРСТВО И НАРОДНОСТЬ.

Группа лицъ, поставленная въ условія національнаго развитія, сдѣлавшаяся народностью, неизбежно вырабатываетъ два понятія, имѣющія неотразимое вліяніе на ея внѣшнюю и внутреннюю жизнь,—понятіе о своемъ *единствѣ* и о своей *независимости*.

Понятіе о единствѣ, есть не что иное, какъ сознаніе своей собирательной личности, своего *я* между другими народами. Понятіе независимости есть требованіе свободы, оригинальности, самостоятельности во внѣшнемъ и внутреннемъ развитіи. Другими словами: понятіе о единствѣ построено на сознаніи полной общности интересовъ и оригинальности общей всѣмъ творческой силы; требованіе независимости вытекаетъ изъ сознанія своего права на проявленіе этой творческой силы въ самостоятельной культурѣ, въ оригинальномъ историческомъ развитіи.

И то и другое понятіе растетъ вмѣстѣ съ исторіею каждаго народа, дѣйствуя первоначально какъ темный инстинктъ, потомъ какъ сознательная идея. Этотъ фактъ вѣрно подмѣченъ Мишле, въ его исторіи Французской революціи:

«Своеобразность новаго міра, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что, сохраняя и увеличивая солидарность между народами, онъ укрѣпляетъ однако характеръ каждаго народа, опредѣляетъ его національность, пока каждый народъ достигнетъ полнаго единства, явится одною личностью, *одной душой*, освященною предъ Богомъ.

«Идея французскаго отечества, темная въ XVII столѣтїи и какъ-бы затерянная въ католической всеобщности, растетъ выясняясь; она возсіяла во время войны съ англичанами, прообразилась въ дѣвственницѣ (Іоаннѣ д'Аркъ). Она затемняется снова въ религіозныхъ войнахъ XVI ст.; мы видимъ католиковъ, протестантовъ, но есть ли уже *французы?*... Да, туманъ разсѣвается,—есть, будетъ единая Франція. Національность утверждается съ необыкновенною силою; нація не есть болѣе *собраніе* разныхъ существъ, это есть организованное существо, даже болѣе—нравственная личность. Возсіяла удивительная тайна—*великая душа Франци.*

«Личность есть вещь святая. По мѣрѣ того, какъ нація принимаетъ характеръ личности и дѣлается душою, ея неприкосновенность возрастаетъ пропорціонально. Посягательство на національную личность есть величайшее изъ преступленій» *).

Сознаніе народнаго единства и требованіе національной независимости внѣшнимъ образомъ проявляются въ стремленїи каждаго народа создать *свое государство*; въ государственной формѣ національная жизнь осуществляетъ свое единство и удовлетворяетъ требованію независимости.

Государственная форма общежитія отличается отъ другихъ однимъ элементомъ—верховною, т. е. централизованною и получившею публичный характеръ, властью. Это верховенство власти упрочиваетъ внѣшнія условія единства страны, потому что устанавливаетъ единство законовъ, суда и администраціи, единство въ повинностяхъ и податяхъ, единство въ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ. Вліяніе государственной формы на единство народа такъ велико, что нѣкоторые писатели даже видятъ въ политической жизни одну изъ главнѣйшихъ причинъ *образованія* народности. Таково, на примѣръ, мнѣніе Милля. Въ другомъ мѣстѣ мы увидимъ, на сколько это мнѣніе можетъ быть принято.

Понятно, далѣе, что въ идеѣ верховенства власти содержится понятіе о ея независимости отъ какой бы то ни было другой власти на землѣ. Верховная власть (какова бы ни была ея форма, кому бы она ни принадлежала) не связана и не можетъ быть связана въ отправленїи своихъ политическихъ функцій какимъ либо внѣшнимъ *смѣшательствомъ*. Начало *невмѣшательства*

*) Michelet, Histoire de la Révolution Française. T. IV, стр. 158.

одного государства во внутреннія дѣла другого признано современнымъ международнымъ правомъ. Это начало имѣетъ свою жизненную основу въ правѣ каждаго народа на самостоятельную политическую жизнь; но юридическое, внѣшнее его основаніе— въ верховенствѣ, независимости одной государственной власти отъ другой. Такимъ образомъ верховная власть есть внѣшній признакъ и условіе народной независимости. Она—внѣшнее олицетвореніе народной личности и независимости.

Итакъ развитіе народности естественно приводитъ къ принятію ею государственной формы и установленію верховной власти.

Изъ этого простого и неоспоримаго факта вытекаютъ чрезвычайно важныя послѣдствія для теории и практики.

Если внутреннее основаніе государственной формы заключается въ условіяхъ образованія народности, то понятно само собою, что эта форма и власть суть явленія *производныя*, а не первоначальныя, т. е., они не имѣютъ основаній самостоятельныхъ и лежащихъ внѣ общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ.

Между тѣмъ политическая философія долгое время относилась къ государственной формѣ и верховной власти какъ къ чему-то вполне самостоятельному, даже предшествовавшему образованію человѣческихъ обществъ. *Договорная* теорія происхожденія государства надолго внѣдрила въ умы представленіе, что самое общество началось съ того времени, какъ недѣлимые, по доброй волѣ, сошлись и сговорились жить вмѣстѣ и для этой цѣли составили государство. Слѣдовательно, договоръ, учредительный актъ, есть самостоятельное основаніе явленія, прежде какъ-бы не имѣвшаго причинъ и условій во внѣшнемъ мірѣ *).

Съ тѣхъ поръ наука объ обществѣ сдѣлала значительные успѣхи. Фактъ общежитія основывается уже на понятіи естественно-историческихъ условій человѣческой жизни. «Человѣкъ немислимъ внѣ общества», усердно повторяютъ новые, слова древняго—Аристотеля. Но государственная форма общества и власть, условіе этой формы, имѣютъ ли они основаніе въ тѣхъ же не-

*) Такое представленіе о реальныхъ основаніяхъ государства и государственной власти вполне соответствовало метафизическому понятію о свободѣ чловѣка, принимавшемуся за основаніе всѣхъ явленій нравственного и политическаго міра. Согласно этому представленію, чловѣкъ способенъ, въ силу своей свободы, начать во внѣшнемъ мірѣ рядъ явленій, *совершенно новыхъ*, имѣющихъ основаніе не во внѣшнихъ условіяхъ, но въ чистыхъ представленіяхъ разума, направляющаго волю къ дѣятельности.

избѣжныхъ естественно-историческихъ условіяхъ? Примѣнимо ли къ вопросу о причинѣ ихъ *существованія* понятіе договора, соглашенія, свободнаго установленія, т. е., всего того, что вытекаетъ изъ предположенія чисто раціональныхъ основаній?

Приведемъ здѣсь одно изъ наиболѣе распространенныхъ мнѣній. Въ 1865 году вышелъ хорошій этюдъ «о всеобщей подачѣ голосовъ» двухъ французскихъ публицистовъ Шарнера и Фетю *). Мы нарочно приводимъ взглядъ этихъ посредственныхъ публицистовъ, такъ какъ они очевидно высказываютъ не свое мнѣніе, но образъ мыслей огромнаго большинства образованнаго общества.

Авторы порицаютъ Руссо за его гипотезу объ «общественномъ договорѣ», въ силу котораго будто бы возникло общежитіе. По вопросу о происхожденіи и основаніи власти можетъ и долженъ, по ихъ мнѣнію, быть разрѣшенъ при помощи гипотезы Руссо. «Поставьте, говорятъ они, вмѣсто словъ «общественный договоръ» слова: «политическій договоръ», и вы увидите, что Руссо хорошо поставилъ вопросъ и хорошо разрѣшилъ его».

«Вопросъ, говорится далѣе, долженъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ: власть, регламентирующая и руководящая управленіемъ гражданскаго общества, есть ли результатъ политическаго контракта или, если угодно, выраженнаго или предполагаемаго соглашенія воли всѣхъ и каждаго? Другими словами: государственное верховенство, коего власть есть выраженіе, помѣщается ли во всѣхъ? Или, напротивъ, власть есть фактъ таинственный, божественный, стоящій внѣ и выше всякаго человѣческаго соглашенія? Вотъ истинная формула вопроса. Всѣ человѣческіе споры объ этомъ предметѣ вращаются около этихъ двухъ идей; всѣ школы, со всѣмъ разнообразіемъ ихъ системъ, сводятся къ двумъ—школѣ раціональной и школѣ теологической».

Авторы говорятъ правду. Узко-разсудочное направленіе политической философіи сводитъ всѣ явленія нравственной и политической жизни къ одному основанію, къ одной причинѣ бытія—къ понятію *воли*, проявившей себя въ извѣстныхъ учрежденіяхъ. Вся разница между «школами» заключается только въ вопросѣ о томъ, какую волю должно принять за основу явленій—волю божественную, или волю человѣческую, дѣйствующую по нача-

*) Du suffrage universel et du droit électoral, par. V. Charner et R. Feitu. Paris 1865. Стр. 6 и слѣд.

ламъ человѣческаго разума. Въ этомъ только и состоитъ разница между школой раціональной и теологической. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что раціональная школа есть законное чадъ богословской схоластики среднихъ вѣковъ, а послѣдняя, въ существѣ своемъ, была будущимъ раціонализмомъ.

Но за этимъ метафизическимъ споромъ о той или другой *воли* исчезаетъ настоящій научный вопросъ о *законахъ* развитія общества и его государственной формы; а разрѣшеніе этого вопроса нуждается въ естественно-историческихъ данныхъ, разумѣется, стоящихъ внѣ человѣческой воли и «соглашенія».

Съ этой точки зрѣнія вопросъ объ основаніяхъ государственности ставится прежде всего слѣдующимъ образомъ: *могутъ ли законы образованія власти и государственной формы быть отдѣлены отъ законовъ образованія общества?* Другими словами: долженъ ли вопросъ объ основаніяхъ власти быть разрѣшенъ на основаніяхъ тѣхъ же данныхъ, какъ и вопросъ о развитіи общества, или къ этому вопросу, въ противоположность первому, *долженъ быть приложенъ методъ метафизическій, или теологическій?*

Такимъ образомъ положительная наука должна помѣстить и теологическую и раціональную «школы» въ одну и ту же категорию. Между послѣдними, споръ идетъ о *принципахъ*; между положительною наукою и обѣими школами—о *методѣ* разрѣшенія вопроса.

Метафизическій методъ все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое значеніе для разрѣшенія вопросовъ общественныхъ; но онъ сохранилъ еще значеніе (вслѣдствіе отсталости государственныхъ наукъ) для разрѣшенія вопросовъ политическихъ. Вслѣдствіе этого мы слышимъ въ нашъ положительный вѣкъ вопросъ о томъ, соответствуетъ ли государственная форма раціональной идеѣ общества, дозволяетъ ли разумъ существованіе государства, и присутствуемъ при выводѣ, что существованіе это должно быть «отмѣнено».

Этотъ вопросъ не могъ бы явиться, еслибы политическая наука искала не «принциповъ», а законовъ общественнаго развитія, еслибы она шла путемъ положительнымъ, а не метафизическимъ. Положительная наука никогда не задавала бы себѣ подобнаго вопроса въ виду того закона, что каждая народность, стремящаяся къ единству и независимости, принимаетъ государственную форму, складывается въ политическое общество. Въ

виду этого закона, нельзя не признать, что разрѣшеніе государственной формы общества предполагаетъ предварительное уничтоженіе известной естественно-исторической, стихійной, силы, вслѣдствіе которой племена складываются въ народность, а народности стремятся къ единству и независимости.

Вопросъ объ основаніяхъ власти не доступенъ раціональному разрѣшенію, ибо онъ тѣсно связанъ съ естественными законами развитія человѣческихъ обществъ. Но общій вопросъ о власти и государствѣ представляетъ другія стороны, по видимому, вполне доступныя раціональному методу, именно, вопросъ объ его функціяхъ, о кругѣ вѣдомства власти, — другими словами, о дѣляхъ государства.

VIII.

ПОСЛѢДНЕЕ СОМНѢНІЕ.

Если законы общественнаго развитія, въ силу которыхъ существуетъ государственная форма, не могутъ быть измѣнены человѣческою волею, если, такимъ образомъ, фактъ существованія государства не нуждается въ «оправданіи» предъ началами разума, то не можетъ ли, по крайней мѣрѣ, вліяніе государственнаго начала на жизнь общества быть опредѣлено известными разумными предѣлами, въ виду известныхъ интересовъ личности и общества?

Этотъ вопросъ съ давнихъ поръ занимаетъ политическую литературу. Ему, между прочимъ, посвященъ известный трактатъ Вильгельма Гумбольдта (*Ideen zu einem Versuche die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen*), выше приведенное сочиненіе Этвеша, многіе трактаты и памфлеты Жюля Симона, Лабуле, Одиллона Барро, Милля и т. д. Мы разберемъ его подробно въ особомъ трактатѣ «о дѣляхъ государства». Теперь ограничимся общими указаніями.

Во первыхъ, нельзя не замѣтить, что въ политической литературѣ вопросъ этотъ поставленъ въ слишкомъ рѣзкой формѣ. Сфера дѣятельности личной и общественной, съ одной, и функціи государства, съ другой стороны, разграничиваются такъ, какъ будто дѣло шло о размежеваніи границъ двухъ враждебныхъ сферъ.

Политическіе мыслители обыкновенно исходятъ изъ идеи полного противоположенія *личности* и *государства*, *общества* и *государства*. Вслѣдствіе этого, каждое расширеніе границъ частной дѣятельности разсматривается, какъ «побѣда» личности (или общества) надъ государственной «регламентаціей», каждое распространеніе круга государственнаго вѣдомства считается пагубнымъ усиленіемъ государственнаго вмѣшательства. Въ основѣ этого воззрѣнія лежитъ отождествленіе государства съ *правительствомъ*, которому противопоставляется все общество и отдѣльныя личности.

Но власть, правительство—это только одинъ изъ элементовъ политическаго общества; въ содержаніе его входитъ также вся масса недѣлимыхъ. «Личность» не есть нѣчто замкнутое, обособленное въ своихъ частныхъ интересахъ. Личность, сознающая себя членомъ народности, живетъ также политическими интересами. Она заинтересована національною политикой, желаетъ имѣть и часто имѣетъ вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Личность не есть нѣчто подчиняющееся государству, какъ вышнему порядку, соблюдающее формы и условія, но живая, дѣятельная часть цѣлаго. «Государство есть совокупность гражданъ», говоритъ Аристотель. Граждане современныхъ государствъ должны сказать: «государство—это мы»!

Цѣли государства не отличаются ни качественно, ни количественно отъ цѣлей недѣлимаго и общества. Подобно послѣднимъ, онѣ вытекаютъ изъ условій существованія и развитія общества и недѣлимаго. Государство встрѣчается съ личностью въ области частныхъ интересовъ (когда рѣчь идетъ объ опредѣленіи формъ сдѣлокъ, ихъ охраненіи и т. д.), личность встрѣчается съ государствомъ въ сферѣ интересовъ общественныхъ (защита отечества, содѣйствіе народному образованію и т. д.). *Цѣли государственныйя отличаются отъ частныхъ и общественныхъ по способу ихъ осуществленія.*

Тѣ интересы, которые, вообще или въ данную минуту, признаются за частные, не государственные, отличаются однимъ общимъ признакомъ: осуществленіе ихъ предоставлено частной и свободной предприимчивости, или потому, что все общество не заинтересовано ихъ непремѣннымъ осуществленіемъ, или потому, что сила личнаго интереса служить въ данномъ дѣлѣ достаточнымъ обезпеченіемъ его успѣха.

Напротивъ, интересы, признанные, вообще или въ данную

минуту, за государственные, отличаются тѣмъ, что осуществленіе ихъ считается непремѣнною необходимостью для существованія и развитія общества, а потому оно возлагается на *обязанность* органовъ власти, дѣйствующихъ *принудительными* мѣрами:

Формы этой *принудительной* дѣятельности государства различны.

1) Оно требуетъ отъ гражданъ воздержанія отъ извѣстныхъ дѣйствій, нарушающихъ коренныя условія общежитія: посягательства на жизнь, честь и имущество другаго, на существующія государственныя учрежденія. Требования эти оно выражаетъ въ уголовномъ законодательствѣ, охраняетъ наказаніями и осуществляетъ судомъ.

2) Оно требуетъ, чтобы граждане въ своей частной дѣятельности сообразовались съ извѣстными формами, безъ соблюденія которыхъ эти дѣйствія не будутъ признаны законными. Такъ оно опредѣляетъ всѣ формы гражданского оборота и отношеній.

3) Оно требуетъ отъ гражданъ извѣстныхъ дѣйствій, необходимыхъ для осуществленія разныхъ общественныхъ цѣлей — цѣлей судебныхъ, охраненія внѣшней безопасности и т. д. Вслѣдствіе этого, оно налагаетъ на гражданъ воинскую повинность, обязанность исправлять должность присяжнаго, разные натуральныя повинности.

4) Оно требуетъ отъ гражданъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія его органовъ и осуществленія разныхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ для общаго блага — для поддержанія школъ, проведенія дорогъ, организаціи благотворительности, обезпеченія народнаго здравія и продовольствія и т. д.

Всѣми этими средствами государство пользуется для различныхъ цѣлей, которыя, *по своему различному характеру*, могутъ быть подведены подъ три понятія:

1. Понятіе *огрaненія* приобрѣтенныхъ правъ, существенныхъ условій общежитія — внѣшней и внутренней безопасности.

2. Понятіе *содѣйствія* дальнѣйшимъ успѣхамъ народной жизни посредствомъ внѣшняго улучшенія ея условій.

3. Понятіе *положительнаго* осуществленія разныхъ общественныхъ цѣлей или даже почина (иниціативы) въ дѣлѣ общеннаго прогресса.

Такимъ образомъ, сущность государственной организаціи состоитъ въ подчиненіи извѣстной народности, облеченной правами

законодательства, суда и управления, для осуществленія такихъ цѣлей общежитія, которыя не могутъ быть достигнуты частною предприимчивостію, но нуждаются въ содѣйствіи принудительной власти.

Слѣдовательно, государственная дѣятельность обнимаетъ не всѣ интересы общежитія въ одинаковой степени. Въ порядкѣ цѣлей, осуществляемыхъ принудительною властью, лежитъ цѣлая совокупность личныхъ и общественныхъ цѣлей, осуществляемыхъ частною предприимчивостію. Назначеніе власти, а слѣдовательно и ея права, а ргіоні, имѣютъ свои границы.

Этотъ фактъ порождаетъ два рода вопросовъ. Во-первыхъ, признавая извѣстную категорію цѣлей достояніемъ частной и общественной предприимчивости, т. е. *свободы*, мы неизбѣжно приходимъ къ вопросу о способѣ огражденія частной и общественной свободы, неприкосновенности личности отдѣльныхъ общественныхъ группъ въ ихъ отношеніяхъ къ государству. Это вопросъ права, вопросъ *юридическій*.

Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ довольно легко, потому что онъ не касается внутренняго содержанія каждой сферы, но имѣетъ въ виду обезпеченіе разъ проведенныхъ границъ. Юридическое сознаніе каждаго народа и философія права легко доходятъ до признанія такихъ принциповъ, что никто не можетъ быть лишенъ принадлежащаго ему права безъ законнаго повода, признаннаго достаточнымъ независимою судебною властію, что частная собственность не можетъ быть отчуждена на общественную пользу безъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія владѣльца и т. д.

Но задача науки становится гораздо сложнѣе, когда рѣчь идетъ объ опредѣленіи самаго *содержанія* каждой сферы, т. е. опредѣленіи того, что *должно* быть удѣломъ частной предприимчивости, и что нуждается въ принудительной власти государства. Этотъ вопросъ до настоящаго времени раздѣляетъ политическихъ мыслителей и дѣятелей на враждебные лагеря. Въ первыхъ двухъ главахъ мы представили результаты двухъ противоположныхъ воззрѣній. Теперь остановимся на ихъ *основаніяхъ*.

Прежде всего необходимо опредѣлить границы спора.

Выше было замѣчено, что различные виды государственной дѣятельности, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ настоящее время и сложились исторически, могутъ быть подведены подъ три понятія: понятіе *охраненія* правъ личности и обще-

ства, косвеннаго *содѣйствія* дальнѣйшему развитію народной жизни и, наконецъ, *почина и положительнаго осуществленія* разныхъ задачъ преуспѣянія.

Два послѣднія понятія рѣзко отличаются отъ перваго. Понятіе охраненія сводится на поддержаніе *statu quo*, существующаго. Идеи *содѣйствія* и *почина* предполагаютъ дѣятельное участіе государственной власти въ общественномъ *прогрессѣ*.

Нельзя назвать ни одного публициста или практическаго дѣятеля (разумѣется, кромѣ тѣхъ, которые отрицаютъ необходимость самаго государства), который бы отрицалъ необходимость государственнаго охраненія частныхъ и общественныхъ правъ. Эти функціи до такой степени тѣсно связаны съ существованіемъ юридическаго порядка, даже просто съ физическимъ существованіемъ личности и самаго общества, что устраненіе государства даже изъ этой сферы повело бы общество къ первобытному порядку, къ временамъ частной мести, частныхъ войнъ, набѣговъ, отсутствія опредѣленныхъ правъ, къ насиліямъ всякаго рода.

Охраненіе государственной территоріи, частныхъ правъ, внѣшней и внутренней безопасности—есть тотъ *мінімумъ* задачъ, который признается за государственною властію всеми школами, не исключая крайнихъ индивидуалистовъ.

Споръ между *индивидуалистами* и *гувернаменталистами* вращается именно около двухъ послѣднихъ категорій задачъ. Онъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: *какую роль играетъ и должно играть государство въ дѣль общественнаго прогресса*, т. е. въ дѣль распространенія въ наибольшей массѣ людей наибольшей суммы нравственности, достоинства, знанія и благосостоянія?

Одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ публицистовъ, Дюпонъ-Вайтъ, въ своемъ трактатѣ объ отношеніи личности къ государству *) справедливо ставитъ споръ именно на эту почву.

«Дѣло идетъ, говоритъ онъ, о путяхъ прогресса.—Признавъ, что общества предназначены къ совершенствованію, люди спросили себя, въ чемъ состоитъ относительная доля участія государства и свободы въ осуществленіи этого закона.

«Справедливо ли утверждать, что все происходитъ здѣсь отъ недѣлимыхъ, отъ ихъ самопроизвольнаго и верховнаго дѣйствія? Цивилизація совершается ли въ сторонѣ и даже въ ущербъ об-

*) L'individu et l'état.

щественной власти? Короче—прогрессъ не есть ли, такъ сказать, только уничтоженіе правительства?

«Для того, чтобы нація существовала и процвѣтала, говорилъ Сийесъ, нужны *два вещи*—частные труды и публичные учрежденія.

«Не нужно ли, случайно, только одной? Или, по крайней мѣрѣ, процвѣтаніе страны зависитъ ли исключительно отъ *частныхъ работъ*, отъ личныхъ усилій?»

Краснорѣчивымъ отвѣтомъ на это служатъ *повсемѣстные государственныя мѣры* относительно охраненія народнаго здравія, заботы о народномъ продовольствіи, мѣры противъ бѣдности, попеченіе о народномъ образованіи, о путяхъ сообщенія, объ организаціи торговли и т. д. Всѣ эти стороны государственной дѣятельности сведены къ общимъ научнымъ и философскимъ началамъ, которыя излагаются въ весьма практичной и положительной наукѣ, которую одни называютъ наукою управленія (Verwaltungslehre—Штейнъ), другіе наукою о полиціи (Polizeiwissenschaft—Моль).

Какъ согласить этотъ живой фактъ съ философскимъ началомъ, гласящимъ, что только личная предпріимчивость есть источникъ прогресса, что прикосновеніе государственной власти мертвитъ всякое предпріятіе?

Нѣкоторые видные представители науки пришли къ такому соглашенію, т. е. признали годность государственнаго начала въ дѣлѣ общественнаго прогресса, потому что согласить два начала значитъ признать относительную годность обоихъ.

IX.

ТЕОРІЯ СОГЛАШЕНІЯ И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

Аренсъ въ своей философіи права *) формулируетъ свою теорію соглашенія слѣдующимъ образомъ.

Во первыхъ онъ отрицается отъ теоріи исключительнаго индивидуализма, «отъ теоріи, которая не видитъ ни въ человѣкѣ, ни въ обществѣ координированнаго плана дѣятельности, отвергаетъ поэтому всякое вмѣшательство правительства въ національную жизнь». Конечно, свобода есть источникъ всякой жизни, и инди-

*) Cours de droit naturel. 6-е издание, Т. II, § 107, стр. 329 и слѣд.

видуализмъ справедливо стремится оградить ее отъ правительственнаго вмѣшательства, нерѣдко переходящаго въ злоупотребленія. «Но насколько правительства прошедшаго времени, дурно направленные и руководимыя эгоистическими, исключительными видами партій, касты, династїи, приводили общество къ вреднымъ результатамъ, настолько правительства, обязанныя искреннею практикою народнаго представительства вдохновляться истинными нуждами общества, могутъ содѣйствовать, посредствомъ хорошаго законодательства и мудрой администраціи, добру и благосостоянію».

Слѣдовательно, возраженія противъ принципа «вмѣшательства» направлены противъ дурныхъ правительствъ и ихъ злоупотребленій, но не противъ самаго принципа. Остается только дать этому принципу должную опредѣленность и показать его границы.

Для этой цѣли Аренсъ дѣлаетъ различіе между *главною, непосредственною* цѣлью государства и его *косвенными* цѣлями.

Авторъ остается вѣренъ своему основному воззрѣнію, что государство есть учрежденіе юридическое, какъ онъ любитъ говорить—«организмъ права». Поэтому ближайшая его задача состоитъ въ установленіи и охраненіи юридическаго порядка, въ покровительствѣ лицамъ и вещамъ противъ всякаго насилія и въ разрѣшеніи столкновеній между частными лицами посредствомъ судебной власти.

Но право не есть само себѣ цѣль; оно только условіе общественнаго развитія—культуры. Здѣсь *конечная* цѣль права, а слѣдовательно, и «организма права», т. е. государства. Государство имѣетъ, слѣдовательно, свою конечную цѣль; должно-ли оно осуществлять ее одними юридическими нормами, одною охранительною дѣятельностію? Аренсъ отрицаетъ это; онъ признаетъ за государствомъ право и обязанность содѣйствовать возвышенію національнаго благосостоянія. Въ этомъ состоитъ его *косвенная*, хотя и конечная цѣль. Но въ чемъ должны состоять средства ея осуществленія?

Аренсъ говоритъ, что государство всегда должно имѣть въ виду, что производительная сила всякой культуры, всякаго прогресса таится въ частныхъ усиліяхъ, частной предпримчивости; что поэтому государство должно употреблять свою принудительную власть не въ качествѣ производительной, творческой силы народнаго благосостоянія, но для устраненія препятствій къ правильному развитію личныхъ силъ, и притомъ такихъ препят-

ствій, которыя въ данную минуту не могутъ быть устранены частною предприимчивостію. «Дѣйствіе государства, говоритъ онъ, не должно становиться на мѣстѣ причинъ благосостоянія.... Государство не должно дѣлаться ни священникомъ, ни наставникомъ, ни артистомъ или ученымъ, ни земледѣльцемъ, ремесленникомъ или торговцемъ». Государство должно только поощрять и содѣйствовать развитію всѣхъ этихъ отраслей дѣятельности. Оно, по природѣ своей, есть *не причина, а условіе* прогресса культуры.

Вопросъ поставленъ ясно. Аренсъ признаетъ законными только два изъ трехъ приведенныхъ нами моментовъ государственной дѣятельности: моменты *охраненія* и *содѣйствія*. Моментъ почина и положительнаго осуществленія разныхъ общественныхъ цѣлей, т. е. тотъ моментъ, когда государственная дѣятельность становится творческою силою народнаго преуспѣянія и развитія, отвергается имъ категорически.

Но предъ нами опять неопровержимые факты. Государство, въ разныхъ мѣстахъ, вводитъ обязательное и даровое обученіе, а даровое, въ переводѣ на деньги, значитъ, что государство содержитъ школы на общественный счетъ. Можно бы признать это актомъ государственнаго «деспотизма»; но требованія подобной мѣры народнаго образованія раздаются громко въ самыхъ демократическихъ государствахъ Европы. Государство заводитъ желѣзныя дороги, тамъ гдѣ ихъ не было, предпринимаетъ осушеніе болотъ, приобретаетъ для національной торговли новые рынки и морскія станціи, колонизируетъ новыя земли и т. д.

Что это — *условія* или *причины* народнаго благосостоянія? И не превращается ли споръ объ условіяхъ и причинахъ въ споръ о словахъ, совершенно бесполезный, когда рѣчь идетъ о важномъ и реальномъ дѣлѣ: о распространеніи наибольшей суммы благосостоянія, умственнаго и нравственнаго развитія въ наибольшей массѣ людей?

Возможно ли установить прочную границу между *ближайшими* и *косвенными* цѣлями государства? Почему охраненіе моего личнаго права *ближайшая* цѣль, а приобретеніе хорошей морской станціи или надежнаго союзника — *косвенная*?

На болѣе реальной почвѣ, т. е. на почвѣ фактовъ, наблюденія и опыта, стоитъ теорія *Милля*. Въ своихъ «Началахъ политической экономіи» онъ говоритъ о вліяніи правительства, конечно только въ примѣненіи къ одной сферѣ народной жизни — къ

сферѣ экономической, но и при этомъ случаѣ, какъ и всегда, онъ устанавливаетъ общіе принципы вопроса.

Оставаясь на почвѣ фактовъ, Милль не совѣмъ вѣритъ въ возможность проведенія безусловныхъ, «раціональных» границъ между дѣятельностью частныхъ лицъ и вліяніемъ государства. «Обозначеніе надлежащихъ границъ обязанностей и дѣятельности правительствъ, говоритъ онъ *),—одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ политической науки и государственной практики въ нашу эпоху». Затѣмъ онъ указываетъ на различіе двухъ направлений, изъ которыхъ одно постоянно влечетъ расширять сферу правительства дальше надлежащихъ предѣловъ, а другое расположено ограничить сферу правительственной дѣятельности самыми тѣсными границами.

Можно бы подумать, что вслѣдъ за этимъ указаніемъ начнется исканіе раціональных основаній той и другой школы, метафизика прямыхъ и косвенныхъ задачъ, причинъ и условій. Но Милль съ истинно научнымъ спокойствіемъ продолжаетъ:

«По различію въ историческомъ развитіи разныхъ націй,— различію, о которомъ нѣтъ надобности распространяться здѣсь,— первая крайность, преувеличеніе правительственной сферы, особенно господствуетъ и въ теоріи и въ практикѣ у континентальныхъ націй, а въ Англіи до сихъ поръ преобладало противоположное направленіе.» Затѣмъ идетъ обѣщаніе сдѣлать попытку опредѣлить общіе принципы этого вопроса, *насколько онъ зависитъ отъ принциповъ.*

Но прежде всего, говоритъ авторъ, необходимо посмотрѣть, какія обязанности необходимо принадлежать правительству, т. е. тѣсно связаны съ его идеей и исполняются всѣми правительствами безъ всякаго противорѣчія или по общей привычкѣ. Другими словами, прежде чѣмъ начинать споръ, нужно выдѣлить изъ общей матеріи вопроса безспорную ея долю, чтобы затѣмъ обратить все свое вниманіе на спорную.

Милль отличаетъ *необходимыя* функціи правительства отъ функцій, которымъ онъ даетъ названіе *произвольныхъ*. Терминомъ *произвольный*, по его собственнымъ словамъ, онъ не хочетъ выразить ту мысль, что эти функціи могутъ быть предметомъ равнодушія или произвольнаго выбора; онъ хочетъ только сказать, что «надобность исполнять такія обязанности *не простирается до необхо-*

*) Начала политической экономіи. Кн. V, въ началѣ.

дѣлности и остается предметомъ, о которомъ существуютъ или могутъ существовать разныя мнѣнія».

Опредѣляя объемъ *необходимыхъ* функций государства, авторъ обращаетъ вниманіе на очень распространенное мнѣніе, будто функции эти ограничиваются охраненіемъ отъ насилія и обмана. Но факты показываютъ, что область необходимыхъ функций государства не можетъ быть введена въ тѣ очень опредѣленныя границы, которыми «часто думаютъ обнять ихъ въ поверхностной, публичной политикѣ». Притомъ многочисленный разрядъ этихъ функций вовсе не вытекаетъ изъ идеи охраненія противъ насилія и обмана; правительства, по необходимости, дѣйствуютъ и тамъ, гдѣ нѣтъ ни того, ни другаго.

Сама область гражданскаго законодательства и процесса складывается изъ нормъ, вытекающихъ изъ совершенно другихъ понятій. Неисполненіе договора въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть подведено подъ понятія насилія или обмана, а между тѣмъ правительство обязано принуждать къ ихъ исполненію, потому что иначе прекратилась бы самая возможность гражданскихъ сдѣлокъ. Далѣе, правительства не только охраняютъ совершенные договоры, но даже опредѣляютъ, къ исполненію какихъ договоровъ можно принуждать людей. Есть такія обѣщанія, которыми не должны имѣть право связывать себя люди, — *того требуетъ общее благо*. Договоръ, по которому человекъ продалъ бы себя другому въ невольники, былъ бы объявленъ недействительнымъ въ судилищахъ Англіи и почти всѣхъ европейскихъ земель. Законъ не только охраняетъ права, но, такъ сказать, создаетъ ихъ, опредѣляя ихъ юридическое существо. Право собственности, право наслѣдованія, *какъ юридическія институты*, суть произведенія государственнаго законодательства. Опредѣляя юридическое существо разныхъ правъ, государство «вмѣшивается» въ общественную жизнь не только для ихъ охраненія, но и для разрѣшенія споровъ (возникающихъ безъ всякой недобросовѣстности) о принадлежности этихъ правъ тому или другому лицу. Таково назначеніе гражданскихъ судилищъ. Но мало того, что государство беретъ на себя рѣшеніе споровъ, оно заранѣе принимаетъ предосторожности чтобы *не возникало споровъ*. Законъ предписываетъ для многихъ родовъ договора форму выраженія, чтобы не возникло споровъ или недоразумѣній въ ихъ смыслѣ. Государство хранить подлинныя доказательства фактовъ, изъ которыхъ возникаютъ юридическія послѣдствія;

для этого оно ведетъ реестры этимъ фактамъ—списки рождающихся и умирающихъ, вступающихъ въ бракъ, завѣщаній, контрактовъ и судебныхъ дѣйствій. Оно же беретъ на себя попеченіе объ интересахъ такихъ лицъ, которыя не могутъ быть признаны правоспособными: о дѣтяхъ, помѣшанныхъ, слабоумныхъ. Законъ ввѣряетъ, конечно, попеченіе о такихъ лицахъ не своимъ чиновникамъ, а частнымъ лицамъ (напримѣръ родственникамъ), но послѣднія дѣйствуютъ подъ строгимъ контролемъ закона.

Всѣ эти примѣры подходятъ подъ общее понятіе *юридическихъ* цѣлей, но изъ самаго перечисленія ихъ видно, что даже юридическая дѣятельность государства не исчерпывается идеею охраненія, особенно въ томъ узкомъ смыслѣ, какой ей часто даютъ.

Но затѣмъ Милль указываетъ на множество случаевъ, въ которыхъ правительство съ общаго одобренія принимаетъ на себя исполненіе обязанностей, которымъ нельзя найти другаго основанія, кромѣ всеобщаго удобства. Возьмемъ, напримѣръ, обязанность и *монополію* правительствъ чеканить монету. Она присвоена правительствами ни больше ни меньше какъ для того, чтобы избавить каждаго отъ хлопотъ провѣрять вѣсъ и пробу монеты. Другой примѣръ: установленіе нормальныхъ вѣсовъ и мѣръ. Далѣе слѣдуютъ устройство и улучшеніе пристаней, постройки маяковъ, топографическія и гидрографическія работы, устройство плотинъ для сдержанія морскихъ и рѣчныхъ наводненій и т. д.

Этотъ реестръ Милль заключаетъ слѣдующими замѣчательными словами.

«Число такихъ примѣровъ можно бы увеличить до безконечности, не приводя ни одного сомнительнаго случая. Но довольно и приведенныхъ, чтобы показать, что бесспорныя обязанности правительства обнимаютъ такое обширное поле, *котораго нельзя обвести межою никакого стѣсняющаго опредѣленія*, и что едва ли можно найти для нихъ какое-нибудь общее основаніе, кромѣ многообъясняющаго основанія, которое есть *общая выгода*; наконецъ, что нельзя назначить границъ правительственному вмѣшательству никакимъ *общимъ* правиломъ, кромѣ простаго и *неопредѣленнаго* правила, что вмѣшательство это должно быть допускаемо лишь тогда, когда польза отъ него очевидна».

Таковъ принципъ, съ точки зрѣнія котораго должно разсуждать о второй группѣ функцій, которыя Милль называлъ производными или, вѣрнѣе, спорными. Этому принципу недостаетъ

существеннаго признака всякаго правила—опредѣленности и общности. При такомъ свойствѣ принципа, опредѣленіе объема спорныхъ функций государства не можетъ имѣть въ виду какого-либо всеобъемлющаго правила. Исслѣдователь долженъ обратиться къ частному анализу каждаго отдѣльнаго случая, каждой отдѣльной задачи и опредѣлить на сколько она требуетъ, вообще или при извѣстныхъ обстоятельствахъ, правительственнаго вмѣшательства, на сколько послѣднее выгодно или вредно.

Такъ поступаетъ и Милль. Въ отдѣлѣ своей книги, посвященномъ спорнымъ функциямъ государства *), онъ подвергаетъ этому частному анализу отдѣльные вопросы экономической жизни. Такъ онъ разсматриваетъ вопросъ о покровительствѣ національной промышленности, объ опредѣленіи законнаго роста (ограниченіи процентовъ), вопросъ объ искусственномъ пониженіи цѣнъ, о монополіяхъ, о мѣрахъ противъ стачекъ рабочихъ, о предварительной цензурѣ.

Оцѣнка правительственной дѣятельности приводитъ его къ справедливому убѣжденію, что примѣненіе правительственнаго вмѣшательства къ этимъ вопросамъ экономической жизни обыкновенно вредно, и что, слѣдовательно, къ нимъ примѣняется принципъ противоположный, принципъ *laissez—faire*, гласящій, что *каждый—лучшій судья въ своемъ дѣлѣ*.

Но безусловно ли даже это скромное положеніе? Во-первыхъ, Милль насчитываетъ не менѣе пяти крупныхъ случаевъ, когда принципъ *laissez—faire* не примѣнимъ къ области экономическихъ отношеній и долженъ быть замѣненъ правительственною дѣятельностію.

Во-вторыхъ, понятіе правительственнаго вмѣшательства вообще, по справедливому замѣчанію Милля, есть понятіе въ высшей степени сложное. Формы его настолько разнообразны, что иногда въ одномъ и томъ же вопросѣ сильное правительственное вмѣшательство можетъ быть согласовано съ широкимъ развитіемъ частной предпримчивости и личной свободы.

Во-первыхъ, правительство, принимая на себя извѣстный кругъ задачъ, можетъ запрещать всѣмъ дѣлать то или другое, или дѣлать безъ его дозволенія; оно можетъ также предписывать людямъ дѣлать то или другое или не дѣлать извѣстнымъ способомъ то, что имъ предоставлено. Милль называетъ это вмѣша-

*) Книга V, гл. X и слѣд.

тельство *повелительнымъ* и замѣчаетъ, что область его должна быть ограничениѣ другихъ, потому что въ этомъ случаѣ, строже чѣмъ когда-нибудь должно взвѣсить его выгоду или возможный вредъ.

Но есть другое вмѣшательство, *не повелительное*, когда правительство, оставляя частнымъ лицамъ идти къ извѣстной общеполозной цѣли частными ихъ силами, не вступаясь въ ихъ дѣйствія, *но не ввяряя дѣло исключительно ихъ заботъ*, оно, рядомъ съ частными предпріятіями, устраиваетъ свои. Такъ учреждать школы отъ правительства—одно дѣло; а требовать чтобъ никто не становился преподавателемъ безъ разрѣшенія правительства—другое дѣло. Національный банкъ или правительственная фабрика могутъ существовать, безъ всякой монополіи, рядомъ съ частными банками и фабриками. Правительственные госпитали могутъ существовать безъ всякаго стѣсненія частной медицинской или хирургической практики. Этого рода вмѣшательство допускаетъ возможность болѣе широкаго примѣненія.

Въ результатѣ знаменитый экономистъ, какъ легко видѣть, уклоняется отъ непреклонныхъ логическихъ формулъ. Онъ самъ заявляетъ часто, очень часто, что занимающій его вопросъ не поддается всеобщему рѣшенію.

Между тѣмъ многолѣтняя ученая дѣятельность Милля достаточно ясно опредѣлила индивидуалистическое его направленіе, его постоянное предпочтеніе частной предпримчивости и личной свободѣ во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ только это возможно и полезно.

Чѣмъ же объясняется его уступчивость принципу государственнаго вмѣшательства?

Это объясняется, во-первыхъ, общимъ характеромъ философіи Милля—принципомъ блага, пользы, проникающимъ всё его трактаты. Практическій принципъ пользы всегда побуждаетъ его стать на сторону государственнаго вмѣшательства, если выгода послѣдняго очевидна. Должна ли страна отказаться отъ извѣстнаго выгоднаго условія ея развитія только потому, что условіе это въ данную минуту не можетъ быть осуществлено предпримчивостію и требуетъ правительственнаго дѣйствія? Вотъ вопросъ, который никогда не упускаетъ изъ виду знаменитый мыслитель.

Во-вторыхъ, Милль, кромѣ рациональныхъ основаній, даетъ большое значеніе фактамъ, опыту и наблюденію, а опытное направленіе всегда приводитъ къ компромиссамъ, сочетанію принциповъ самыхъ противоположныхъ, подобно тому, какъ опыт-

ное направленіе англійской политической жизни привело къ сочетанію и совмѣстной дѣятельности разнообразныхъ элементовъ въ англійской конституціи.

Но кромѣ этихъ, вполне законныхъ основаній, самъ авторъ выставляетъ еще одно, необыкновенно важное. Онъ выдаетъ намъ секретъ къ уразумѣнію его отвращенія къ безусловнымъ формуламъ, къ беспощаднымъ рубрикамъ, къ рациональному размежеванію.

Вотъ что мы читаемъ на послѣдней страницѣ его «началь».

«Необходимо прибавить, что въ дѣйствительности правительственное вмѣшательство не всегда можетъ останавливаться на границѣ дѣлъ, по самой своей сущности требующихъ его. *Бываютъ такія времена и такія положенія нации*, что почти всякому дѣлу, дѣйствительно важному для общей пользы, полезно и необходимо бываетъ исполняться правительствомъ, потому что частные люди хотя и могутъ, но не хотятъ исполнять это дѣло. *Есть такія времена и мѣста*, что не будетъ ни дорогъ, ни доковъ, ни каналовъ, ни пристаней, ни работъ для орошенія, ни больницъ, ни первоначальныхъ, ни высшихъ училищъ, ни типографій, если не устроитъ ихъ правительство».

Когда мы говоримъ, что кругъ положительнаго правительственнаго дѣйствія не можетъ быть обнесенъ постоянною и неизблѣмною границею, потому, что *бываютъ такія времена, такія мѣста и нации*, когда кругъ этотъ расширяется, и *другія*, когда онъ суживается, мы ставимъ разрѣшеніе этого вопроса въ зависимость отъ историческихъ условій. Но историческія условія не даютъ основаній для всеобщихъ рѣшеній, рѣзкихъ формулъ; они требуютъ внимательнаго изслѣдованія каждаго вопроса, хотя бы общаго, не иначе какъ въ отношеніи къ каждому явленію, каждому факту, изъ которыхъ слагается историческая жизнь народа.

Таковы различныя послѣдствія двухъ теорій «соглашенія», изъ которыхъ одна, теорія Аренса, стоитъ на почвѣ логическаго разграниченія цѣлей и во имя рациональныхъ основаній приходитъ къ отрицанію нѣкоторыхъ насущныхъ требованій жизни, а другая, теорія Милля, оставаясь на почвѣ фактовъ и опыта, отказывается отъ непреклонныхъ формулъ и ограничивается общимъ требованіемъ, чтобы историческій прогрессъ привелъ къ большому развитію частной, свободной предприимчивости.

X.

ВОЗВРАЩЕНІЕ КЪ ИСТОРИИ.

Когда публицистъ утверждаетъ, что извѣстный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ на почвѣ *историческихъ условий*, онъ всегда рискуетъ встрѣтиться съ сильными возраженіями, или, что еще хуже, съ нѣкоторымъ равнодушіемъ даже презрѣніемъ. Практическія потребности жизни часто требуютъ *догматическую*, т. е. прямого и безусловнаго рѣшенія вопроса: что дѣлать въ данную минуту и на данномъ мѣстѣ, дѣлать сейчасъ же, непосредственно? Рациональная теорія, считающая себя въ обладаніи всеобщими и точно опредѣленными формулами и предлагающая ихъ обществу, встрѣтитъ въ этомъ обществѣ гораздо больше сочувствія, чѣмъ теорія историческая. Последняя можетъ быть обвинена въ томъ, что она, вмѣсто общихъ формулъ, рекомендуетъ массу частныхъ, дробныхъ и фактическихъ изысканій. Но самое главное обвиненіе, которое часто приходится слышать въ наши дни, состоитъ въ томъ, что исторія обращаетъ главное вниманіе на факты *прошедшей* жизни, условія которой не применимы въ «настоящее» время.

Другими словами, капитальное обвиненіе противъ исторіи (кроме отсутствія общей теоріи) состоитъ въ томъ, что самое понятіе «историческихъ условий» применимо единственно къ временамъ *прошедшемъ* и ни въ чемъ не можетъ «связывать современнаго человѣка». Факты современной жизни, хотя вышли изъ условій историческихъ, но могутъ и должны быть регулированы согласно общимъ требованіямъ разума, по началамъ синтетическимъ.

Защитники исторіи обыкновенно очень неловко брались за опроверженіе подобнаго воззрѣнія. Они считали своею обязанностію напоминать «современнымъ людямъ», что опытъ *прошедшихъ* поколѣній имѣетъ нѣкоторое право на вниманіе настоящаго времени, что исторія прошедшихъ заблужденій предохранитъ наше время отъ многихъ ошибокъ, равно какъ славныя дѣла предковъ вдохновятъ ихъ потомковъ. Коротко, — историческія данныя суть полезныя указанія для нашего времени, которыя могутъ быть приняты «къ свѣдѣнію». Но объ «испол-

неніи» конечно не могло быть рѣчи. Болѣе смѣлые и основательные защитники рѣшались еще на одинъ шагъ. Они утверждали что начала прошедшаго времени суть неизблемая основа современныхъ явленій, мѣрило прогичности и отчасти всѣхъ реформъ и что связь настоящаго съ законами прошедшаго не можетъ порвана безнаказанно. Слѣдовали примѣры процвѣтанія Англіи, развивавшейся исторически, и бѣдствій Франціи, разрушившей свое прошедшее.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ рѣчь шла о *защитѣ* прошедшаго отъ грозныхъ и критическихъ требованій настоящаго. Но, разумѣется, защита рѣдко достигала цѣли, потому что учрежденія прошлаго никогда не могли остаться формою послѣдующей общественной жизни: «не вливаютъ вина новаго въ мѣха старые».

Пока вопросъ будетъ поставленъ такимъ образомъ, пока въ понятіи большинства образованнаго общества онъ будетъ представляться въ формѣ судебного *процесса* между «прошедшимъ» и «настоящимъ», — дѣло историческаго *метода*, разумѣется, не будетъ выиграно.

Наука должна пока оставить въ сторонѣ вопросъ о значеніи историческихъ примѣровъ, о не разрывной связи прошедшаго съ настоящимъ. Это сравнительно частные вопросы, разрѣшеніе которыхъ зависитъ отъ разрѣшенія болѣе общаго вопроса, который можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ:

Насколько движеніе самой современной жизни подчиняется общимъ законамъ исторіи? Насколько, слѣдовательно, самая современная жизнь должна быть изслѣдуема съ исторической точки зрѣнія, т. е., съ точки зрѣнія національных особенностей, условій страны и т. д?

Только въ такой формѣ вопросъ пріобрѣтаетъ научное значеніе, т. е. перестаетъ быть вопросомъ партіи, направленія, односторонняго интереса.

Въ этой формѣ мы и попытаемся разрѣшить его.

Прежде всего мы должны составить себѣ опредѣленное понятіе объ идеѣ *историческаго развитія* вообще.

Идея эта слагается изъ двухъ понятій одинаково важныхъ и существенныхъ: 1-е) понятія *зависимости* всѣхъ данныхъ явленій общественной жизни отъ физическихъ и духовныхъ условій народности и внѣшнихъ условій страны и 2-е) понятія *движенія*, т. е. непрерывнаго измѣненія формъ и соотношенія

всѣхъ естественныхъ силъ, дѣйствующихъ въ національной исторіи.

Рационализмъ поставляетъ строй общественной жизни внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ условій, но связываетъ его съ безусловными и непреложными требованіями разума, осуществляемыми свободною волею. Отсюда его стремленіе къ безусловнымъ формуламъ, къ *абсолютному* вообще. Но если абсолютное сдѣлается основаніемъ общественнаго порядка, то порядокъ этотъ самъ, очевидно, получитъ характеръ безусловный, т. е. *непреложный и неизмѣнный*. Отсюда стремленія рационализма къ установленію идеальнаго *statu quo* идеальнаго общества, строй котораго, какъ все идеальное и абсолютное не будетъ уже видоизмѣняться.

Историческое воззрѣніе, признавая вліяніе условій мѣста и времени, ищетъ истинъ не безусловныхъ, а *относительныхъ*, о которыхъ съ такою любовью говорилъ Бэконъ, въ своемъ «новомъ органонѣ». Признавая относительность истины, т. е. годность ея только въ условіяхъ пространства и времени, онъ признаетъ возможность и необходимость видоизмѣненія извѣстнаго начала при другихъ условіяхъ.

Сущность историческаго воззрѣнія можетъ быть выражена въ двухъ словахъ—*отрицаніе абсолютнаго, признаніе прогресса*.

Когда Прудонъ, въ своей превосходной теоріи прогресса, говорилъ, что вся сущность его критической работы опредѣляется этими двумя положеніями—отрицаніемъ абсолютнаго и признаніемъ прогресса, онъ тѣмъ самымъ становился на почву *критики исторической*. Всякое истинно историческое воззрѣніе, отрицающее безусловное и принимающее принципъ прогресса въ существѣ своемъ—есть воззрѣніе критическое.

Оно не признаетъ ни «идеальнаго» общественнаго порядка, ни безусловныхъ началъ, оно видитъ въ обществѣ извѣстный процессъ развитія.

Оно не приковываетъ своего вниманія (какъ это часто утверждаютъ его противники) исключительно къ фактамъ прошедшаго, не утверждаетъ вмѣстѣ съ реакціонерами, что общество *достигло* уже наилучшей своей формы, что всякое движеніе впередъ будетъ разрушеніемъ всего «сдѣланнаго нашими предками».

Оно не пойдетъ вслѣдъ за утопіею, за стремленіемъ водворить идеальный порядокъ на землѣ, порядокъ, не имѣющій никакихъ основаній во внѣшнихъ условіяхъ, свободный отъ вліянія мѣста и времени.

Историческое возрѣніе утверждаетъ, что общество *находится въ состояніи непрекращающагося развитія*. Если историческій методъ обращается къ *фактамъ* прошедшаго, то не съ цѣлю проповѣдовать возвращеніе къ отжившему порядку, а для лучшей оцѣнки условій *современнаго* развитія, которыя несомнѣнно суть результатъ предъидущей культуры народа. Для *этой* цѣли ему необходимо выяснить связь прошедшаго съ настоящимъ; на основаніи этихъ же данныхъ, мыслитель, усвоившій себѣ историческое возрѣніе, будетъ заключать и о *будущемъ* страны.

Теперь понятно будетъ, какъ, на основаніи историческихъ возрѣній и при помощи историческаго метода должны быть разрѣшаемы всѣ вопросы общественной жизни вообще и въ частности занимающій насъ вопросъ о взаимномъ отношеніи государственной дѣятельности и частной предпріимчивости.

Что такое современность, современный порядокъ вещей, съ исторической точки зрѣнія? Это не есть порядокъ, поставленный внѣ вліянія общихъ историческихъ условій, внѣ общихъ законовъ движенія, внѣ прошедшаго и будущаго, порядокъ, къ которому могутъ быть примѣнены безусловныя требованія, рациональныя формулы.

Современность, *наше время*, есть одинъ изъ *моментовъ* общаго развитія, исторіи народа; слѣдовательно, совокупность такихъ явленій—такой порядокъ, который можетъ быть изслѣдованъ и оцѣненъ только съ точки зрѣнія *его* условій, *его* мѣста и времени.

Задача науки, вооруженной историческимъ методомъ, заключается именно въ опредѣленіи того, *какой моментъ* наше время, по своему характеру и условіямъ, составляетъ въ общемъ ходѣ развитія народа?

Такимъ образомъ, задача и методъ положительной науки сходятся съ требованіями *практики*, которыя до настоящаго времени разсматривались какъ нѣчто совершенно отличное отъ «началъ теоріи». Когда наука окончательно усвоитъ себѣ этотъ методъ, тогда потеряетъ свою силу ходячій афоризмъ, что «практика—одно, а теорія—другое». Тогда наука сдѣлается философіею и руководительницею практики и будетъ имѣть на это право.

XI.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ.

Всякій современный порядокъ, сказали мы, есть одинъ изъ моментовъ народнаго развитія; характеръ и направленіе этого момента зависитъ отъ общихъ условій народнаго развитія, и, кромѣ того, отъ особенной *комбинаціи* этихъ общихъ условій въ каждый данный моментъ исторіи, опредѣляющихъ его отличительныя свойства.

Каждая мѣра, опредѣляющая границы и формы частной и государственной дѣятельности, должна быть согласована и съ тѣмъ и съ другимъ обстоятельствомъ. Такъ попытка Петра Великаго ввести въ русское гражданское законодательство систему единонаслѣдія не удалась, потому что законъ этотъ шелъ вразрѣзъ съ народными воззрѣніями на семейныя отношенія и наследственное право; не удалась и его попытка завести въ городахъ «гильдіи и цумты». Номинально они существовали и существуютъ, но какъ административно-финансовыя рубрики, не имѣющія жизни, подобной той, какую имѣли корпораціи западной Европы. Тщетно Екатерина II стремилась призвать нѣкоторыя сословныя корпораціи къ самоуправленію. Общество, построенное вообще на началахъ частнаго и государственнаго крѣпостнаго права, не способно къ самоуправленію. Если же права самоуправления являются привилегіей извѣстныхъ корпорацій, то они дѣлаются средствомъ угнетенія непривилегированныхъ классовъ и правительство, обыкновенно, бываетъ принуждено противопоставить привилегированнымъ классамъ силу единоличной администраціи. Въ такомъ положеніи находилось Русское общество при Екатеринѣ II. Конечно Екатерину II, съ общей теоретической точки зрѣнія, нельзя осуждать за то, что она попыталась внести начала самоуправления въ сословныя корпораціи; заслуга ея велика уже потому, что эта идея осталась въ нашемъ законодательствѣ, чтобы осуществиться, до извѣстной степени, въ наше время. Но историческая критика справедливо могла замѣтить законодательству XVIII ст., что «вольности» и самоуправления не шли къ обществу, построенному на началахъ государственнаго и частнаго крѣпостнаго права. Обще-

ство, переживавшее пугачевщину и раздѣлявшееся на привилегированныхъ и крѣпостныхъ, нуждалось въ системѣ сильной и единоличной администраціи, въ системѣ генераль-губернаторствъ и губернаторствъ, что въ дѣйствительности и случилось. Если реформы, имѣвшія цѣлью самоуправленіе, и должны были начаться въ тѣ времена. то, естественно, въ основаніе ихъ должна была лечь предварительная отмѣна крѣпостнаго права. Такъ какъ правительство въ тѣ времена не считало возможнымъ приступить къ такой мѣрѣ, оно естественно должно было ограничиться только преобразованиемъ своихъ собственныхъ органовъ управления, что можно было сдѣлать, не касаясь существенныхъ основъ народнаго быта. Такъ въ дѣйствительности и случилось. Реформы какъ Екатерины II, такъ и ея преемниковъ вращаются главнымъ образомъ въ сферѣ административной, въ сферѣ правительственныхъ органовъ. Мы постоянно встрѣчаемся то съ учрежденіемъ губерній, то съ реформою сената, то съ введеніемъ министерствъ, учрежденіемъ государственнаго совѣта, комитета министровъ, наказомъ губернаторамъ и т. д. Только съ отмѣною крѣпостнаго права сдѣлались возможны общественныя реформы.

Съ этой же точки зрѣнія долженъ быть обсуждаемъ и занимающій насъ вопросъ о распредѣленіи общественныхъ задачъ между частною предприимчивостію и государственною дѣятельностію. Наука не можетъ въ этомъ отношеніи руководствоваться никакими общими началами, о которыхъ любитъ говорить рационалистическая философія права. Она не можетъ принять даже такихъ общихъ положеній, что «вообще желательно, чтобы, съ развитіемъ общества, сфера частной предприимчивости увеличивалась, а область правительственная уменьшалась».

Съ научной точки зрѣнія нельзя *желательность* извѣстнаго положенія дѣлать признакомъ его практической годности. Наука можетъ только констатировать фактъ, что въ извѣстныхъ обществахъ, преимущественно англо-саксонскаго племени, частная предприимчивость дѣлаетъ чрезвычайно много и въ значительной степени замѣняетъ собою правительственную. Но въ то же время оно можетъ указать не мало странъ, гдѣ правительственное вмѣшательство возводило страну на высокую степень благосостоянія. Такова, на примѣръ, дѣятельность Кольбера во Франціи, о значеніи которой, конечно, нельзя судить по однимъ отзывамъ экономистовъ англійской школы, но необходимо принять въ расчетъ и болѣе безпристрастные отзывы, каковъ, на примѣръ, отзывъ Луи Блана, въ его исторіи французской революціи.

Нельзя даже сказать, какъ это постоянно говорится въ наше время, что область частной дѣятельности постоянно расширяется насчетъ правительственной, по мѣрѣ общественнаго развитія, по мѣрѣ водворенія въ немъ принципа свободы.

Здѣсь, очевидно, происходитъ нѣкоторое смѣшеніе понятій. Прогрессъ, о которомъ идетъ рѣчь, состоитъ не въ уменьшеніи круга правительственныхъ дѣйствій, а въ измѣненіи его формы. Та форма правительственнаго вмѣшательства, которую Милль называетъ вмѣшательствомъ *повелительнымъ*, очевидно, исчезаетъ. Рѣже и рѣже становятся правительственныя монополіи, воспрещенія дѣлать что-либо безъ дозволенія государства или предписаніе производить что-нибудь не иначе какъ по образцамъ, предписаннымъ государствомъ. Но публицистъ, заключившій изъ этого факта, что принципъ государственнаго вмѣшательства исчезаетъ изъ политической практики и сфера государственной дѣятельности сокращается, былъ бы похожъ на человѣка, который бы началъ доказывать, что воспитаніе дѣтей исчезаетъ, на томъ основаніи, что прежнія суровыя дисциплинарныя средства выходятъ изъ употребленія. Правительство, имѣющее дѣло съ грубымъ, неразвитымъ обществомъ, конечно, проявляетъ свою дѣятельность иначе, чѣмъ когда оно дѣйствуетъ среди граждански и политически развитой массы.

Дѣятельность государства все болѣе и болѣе принимаетъ форму, которую Милль называетъ *неповелительною*, по той причинѣ, что она болѣе согласна съ требованіями личной и общественной свободы *). Но этотъ экономистъ, давшій намъ нѣсколько примѣровъ подобной формы, не опредѣлилъ достаточно ея существа. Мы должны сдѣлать это для того, чтобы показать, что государство, видоизмѣнивъ форму своей дѣятельности, удержало однако всѣ три ея момента (охраненія, содѣйствія и почина), о которыхъ достаточно сказано выше.

Государство продолжаетъ *охранять* личныя права, общественную безопасность, хотя уничтожило суровыя формы судебной процедуры, не стѣсняетъ въ прежней степени свободы передвиженія, допускаетъ сходки, не употребляетъ беспощадныхъ полицейскихъ мѣръ и т. д.

*) Должно замѣтить, что неповелительное вмѣшательство не теряетъ общаго признака государственной дѣятельности—*принудительности*. Дѣло въ томъ, что и въ этомъ случаѣ государство, для осуществленія своихъ задачъ, пользуется общественными средствами, собираемыми въ формѣ обязательныхъ налоговъ.

Оно *содействуетъ* развитію промышленности, полезныхъ искусствъ, хотя не предписываетъ болѣе нормальныхъ образцовъ для разныхъ издѣлій, постепенно отказывается отъ системы запретительныхъ и покровительственныхъ тарифовъ и т. д.

Оно *беретъ на себя учрежденіе* разныхъ полезныхъ установленій для народнаго образованія, благотворительности, кредита и т. д., хотя допускаетъ возможность и частныхъ предиріятій подобнаго рода.

Ко всему этому необходимо прибавить еще одну важную форму государственной дѣятельности, получившую необыкновенное развитіе именно въ наше время. Это форма *надзора* за всѣми явленіями общественной жизни. Государство требуетъ, чтобы ему были *извѣстны* всѣ сколько-нибудь важныя предиріятія и явленія общественной жизни, съ тѣмъ, чтобы оно могло принять нужныя мѣры, когда эти предиріятія или явленія станутъ грозить общественному спокойствію или частнымъ интересамъ.

Причина, почему именно въ наше время подобная форма государственной дѣятельности получила такое развитіе, заключается именно въ большемъ развитіи частной и общественной свободы. Когда ни одно предиріятіе не могло учредиться безъ предварительнаго правительственнаго разрѣшенія, когда каждый митингъ могъ быть воспрещенъ и члены его подвергнуты наказанію, очевидно, правительство могло дѣйствовать одними воспрещеніями и дозволеніями. Но съ развитіемъ свободы, правительство должно было сократить свое право разрѣшать и воспрещать и ограничиться требованіями «поставленія въ извѣстность,» съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ нужды, принять свои мѣры.

Всѣ эти формы государственной дѣятельности обнимаютъ въ настоящее время гораздо значительнѣйшее число задачъ, чѣмъ въ прежнее время, такъ что внѣшній объемъ государственной дѣятельности (а не только ея внутренніе моменты) не только не сократился, но увеличился.

Иначе и быть не могло, даже а priori.

Развитіе общества (кромѣ измѣненія его формы и совершенствованія содержанія) означаетъ, что интересы его усложнились, отношенія уразнообразились, условія осуществленія первыхъ и опредѣленія послѣднихъ затруднились. Дикое общество, съ своими элементарными потребностями и немногосложными отношеніями можетъ довольствоваться патриархальнымъ управленіемъ съ его немногосложными же органами и первобытными приемами.

Это общество не найдетъ противнымъ интересамъ страны, если его правительство не озаботится даже правильною организаціею суда и будетъ довольствоваться частною местию, самосудомъ.

Но общества развитія потребууютъ отъ правительства всесторонняго обезпеченія условій общежитія и дальнѣйшаго прогресса. Конечно, съ усложненіемъ человѣческихъ интересовъ увеличивается и область частной предпріимчивости: конечно, многое изъ того, что прежде дѣлалось правительствомъ, стало удѣломъ частной предпріимчивости; но это нисколько не означаетъ, что эта сфера расширилась насчетъ правительственной дѣятельности. Не должно забывать, во-первыхъ, что государство, отстраняясь во многихъ случаяхъ отъ положительной дѣятельности, сохраняетъ, однако, право контроля, содѣйствія, обязанность охраненія и т. д. Затѣмъ, трудно даже перечислить количество новыхъ случаевъ, въ которыхъ дѣйствіе государства проявляется положительнымъ образомъ. Такъ что въ результатѣ, частная предпріимчивость и государственное вмѣшательство росли, расширялись въ объемѣ, параллельно, взаимно пополняя другъ друга.

Лучшимъ образцомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить *Англія*, страна, гдѣ не только *юридически* данъ широкій просторъ частной предпріимчивости, но гдѣ эта предпріимчивость дѣйствительно оказывалась способною дѣйствовать и производить великіе результаты.

Но еслибы кто-нибудь былъ призванъ въ *данный моментъ*, т. е. въ настоящее время, провести точную и незыблемую границу между частною предпріимчивостію и правительственною дѣятельностію въ этой странѣ, — онъ былъ бы поставленъ въ весьма большое затрудненіе.

Конечно, съ точки зрѣнія рационалистической отвѣтъ былъ бы весьма легокъ. Всѣ данныя для строго-раціональнаго вывода готовы:

Частная предпріимчивость слабо развита только въ необразованныхъ странахъ и у неспособныхъ расъ;

Съ развитіемъ общества, частная дѣятельность всегда беретъ перевѣсъ надъ правительственною;

Англія—страна образованная, привыкшая къ самодѣятельности и самоуправленію, и кромѣ того вступила въ XIX вѣкъ.

Стало быть, здѣсь сфера частной предпріимчивости должна быть расширена, область правительственной дѣятельности стѣснена до послѣднихъ предѣловъ возможнаго.

Но вотъ неожиданное препятствіе къ осуществленію подобнаго вывода; большинство писателей, изучавшихъ современный бытъ Англіи заявляютъ (нѣкоторые съ ужасомъ, другіе просто), что государственное вмѣшательство и даже бюрократія дѣлаютъ удивительные успѣхи въ Англіи, именно въ XIX столѣтіи, въ нашъ вѣкъ. «Нельзя отрицать, говорилъ по одному поводу извѣстный экономистъ и индивидуалистъ Дюнойе, что въ Англіи, по разнымъ предпріятіямъ, начали замѣнять, дѣйствіемъ опеки и непосредственнаго управленія простыя уголовныя мѣры, примѣнимыя только къ вреднымъ дѣйствіямъ этихъ предпріятій. Нельзя отрицать этого факта, когда имѣемъ предъ глазами законъ, опредѣляющій число рабочихъ часовъ на фабрикахъ; актъ, воспреещающій примѣнять женскій трудъ въ рудникахъ; третій, который подвергаетъ жителей, наиболѣе населенныхъ городовъ и округовъ, въ случаѣ простаго констатированія извѣстнаго числа смертныхъ случаевъ, къ тяжкимъ предпріятіямъ улучшенія жилищъ и гигиеническихъ условій; кромѣ того, подчиняетъ самое предпріятіе и направленіе этого рода работъ (часть мѣстнаго интереса) рѣшеніямъ бюро, помѣщающагося въ Лондонѣ, и т. д.».

Дѣйствительно, факты, уже въ силу одного того, что они факты, не могутъ быть отрицаемы. Весь вопросъ только въ объясненіи и оцѣнкѣ этихъ фактовъ. Способна ли на это теорія «формуль»—это другой вопросъ. Но мы посмотримъ, что можетъ сдѣлать историческая критика, съ точки зрѣнія даннаго, современнаго намъ *момента* англійской исторіи.

Идея самодѣятельности составляетъ отличительную черту англійской исторіи; въ сферѣ политической она выразилась въ формѣ самоуправленія, того самоуправленія, которое справедливо считалось типомъ всякой подобной административной системы. Начало самодѣятельности и ближайшая его политическая форма были основами англійской свободы.

Эта свобода росла и укрѣплялась въ теченіи вѣковъ. Англія пережила эпоху порядочнаго абсолютизма при Тюдорахъ, прославляла его въ лицѣ Елисаветы, боролась съ нимъ при Стюартахъ и ведетъ лѣтосчисленіе своей современной свободы съ «достославной» революціи 1688 г., когда окончательно сложились начала конституціи, которой завидуютъ континентальные народы. Нѣсколько удачныхъ биллей въ XIX ст. довершили ея образованіе. Если мы сравнимъ сумму современной свободы, предоставленной каждому англичанину, т. е. кругъ дѣлъ, зависящихъ

вполнѣ отъ его самодѣятельности, съ тѣмъ, чѣмъ пользовались англичане въ XVI и XVII ст., мы будемъ поражены успѣхами индивидуализма.

Между тѣмъ именно въ XIX ст. кругъ государственной дѣятельности, кругъ регламентаціи и, если угодно, бюрократіи, расширяется. Причину этого удивительнаго явленія, по словамъ всѣхъ наблюдателей и ученыхъ, должно искать въ одномъ фактѣ, въ быстромъ развитіи городовъ, городского народонаселенія, слѣдовательно въ образованіи *новаго общества*, выступившаго съ своими воззрѣніями на государство и породившаго массу совершенно новыхъ явленій.

Образованіе англійскихъ городовъ, конечно, нельзя разсматривать какъ вполнѣ естественный и здоровый продуктъ движенія «промышленнаго духа», которымъ такъ сильна современная Англія. Промышленное движеніе и промышленная политика Англіи были не причиною, а послѣдствіемъ образованія того много-милліоннаго городского народонаселенія, составляющаго въ настоящее время большую половину всего народонаселенія собственной Англіи и Уэльса *).

Количество городского народонаселенія въ Англіи долгое время было не велико и самыя города (за исключеніемъ Лондона) не имѣли значительнаго политическаго вліянія. Города были призваны къ участию въ народномъ представительствѣ позже землевладѣльческаго джентри. Только со времени Эдуарда I (1272—1307) утвердился обычай призванія городскихъ представителей. Первоначально общины являются въ качествѣ «бѣдныхъ и покорныхъ городовъ его величества» и только постепенно сдѣлались «высокопочтенными и могущественными».

Три обстоятельства вліяли на быстрый ростъ городского народонаселенія и образованіе новыхъ городовъ: способъ уничтоженія крѣпостнаго права, быстрое исчезновеніе мелкихъ поземельныхъ собственниковъ и реформація.

Постепенная отмѣна феодальнаго крѣпостнаго права въ Англіи имѣла, какъ извѣстно, ту характеристическую особенность, что бывшіе рабы и вилланы освобождались *безъ земли*. Съ XIV сто-

*) Факты, излагаемые здѣсь, заимствованы изъ сочиненій *Gneista Gesch. und heutige Gestalt der Englischen Communalverfassung* и *Das Englische Verwaltungsrecht*. *Финшля* госуд. строй Англіи. *Лонъ Фаше*, *Etudes sur l'Angleterre* и т. д.

лѣтія они были освобождаемы цѣлыми массами. Эти массы свободныхъ лишились, разумѣется, феодальной защиты и продовольствія, получаемого отъ господъ. Они сами должны были заботиться о продовольствіи и, въ случаѣ неудачи, попадали въ число нищихъ, которыхъ преслѣдовали строгіе законы противъ нищенства и объ осѣдлости. Не находя убѣжища и работы на земляхъ бывшихъ своихъ владѣльцевъ, они толпами стремились искать «хлѣба и труда» въ города.

Бѣдствія низшихъ классовъ увеличились особенно съ коренною реформою въ способѣ сельскаго хозяйства. Прежде Англія представляла большое количество мелкихъ собственниковъ (фригольдеровъ), которыхъ еще въ XVII ст. было до 160.000. Прежде ихъ было гораздо больше. Въ XVI ст. Фортескью, канцлеръ Генриха VI (1422—1461), говорилъ, что нигдѣ нѣтъ столько мелкихъ собственниковъ, какъ въ Англіи и считалъ это обстоятельство источникомъ ея благосостоянія. Бѣдствія войны Бѣлой и Алой Розы въ корень измѣнили условія экономическаго быта Англіи. Разоренные мелкіе собственники исчезаютъ; имущество ихъ, съ Генриха VII, сосредоточиваются въ рукахъ богатыхъ землевладѣльцевъ, образуется поземельная олигархія. Новые господа земли не отдають ее уже въ такой степени подъ сельское хозяйство, имъ нужны луга, парки, для разведенія которыхъ предварительно сгоняются съ земли сотни рабочихъ семей. Дѣло дошло до того, что знаменитый Бэконъ подалъ въ 1597 г. нижней палатѣ проектъ мѣръ противъ распространенія парковъ и пастбищъ, отчего уничтожались многія селенія *).

Реформація, много сдѣлавшая для духовнаго прогресса народа, по способамъ ея осуществленія, нанесла ему громадный матеріальный ущербъ. Она была сопряжена съ конфискаціею бывшихъ монастырскихъ и церковныхъ имуществъ, а монастыри и церковныя власти, по правиламъ религіи и въ силу положительнаго закона обязаны были благотворить бѣднымъ. Послѣ секуляризаціи этихъ имуществъ, они попали въ руки свѣтскихъ владѣльцевъ, большею частію въ руки любимцевъ короля-реформатора, Генриха VIII. Результатъ этой перемѣны характеризуется старымъ писателемъ Сельденомъ слѣдующимъ образомъ: «теперь когда всѣ аббатства съ ихъ землями, владѣніями, приходскими угодыями, находятся уже въ рукахъ людей свѣтскаго званія, я

*) Фишель, «госуд. строй Англіи».

не могу похвастать, чтобы хотя полпенни досталось на долю бѣдныхъ тѣхъ приходоѡ, въ которыхъ лежатъ эти имущества... Правда, монахи не давали столько, сколько они могли давать; но въ тѣхъ, болѣе нежели ста мѣстахъ Англіи, гдѣ бѣдные получали ежегодно по 20 ф., теперь не получаютъ они и одного обѣда Прекрасное улучшение!» *)

Способъ отмѣны крѣпостнаго права привелъ къ обезземеленію массы народа:

Уничтоженіе мелкой собственности и мелкихъ хозяйствъ понизило цѣны на трудъ, отдавало рабочихъ въ распоряженіе крупныхъ собственниковъ, а иногда вовсе лишало ихъ работы и какой бы то ни было осѣлости;

Экономическая сторона реформаціи лишила рабочихъ, впадшихъ въ бѣдность, благотворительности.

Массы народа, подѣ двойнымъ гнетомъ закона противъ нищенства, разныхъ *act concerning punishment of beggars and vagabonds* и законъ объ осѣлости (*law of settlement*) стремились въ города, гдѣ по крайней мѣрѣ можно было подняться на промышленный трудъ. Тщетно законъ *въ пользу бѣдныхъ*, устанавливавшій налогъ для ихъ содержанія (1601 г.), старался облегчить положеніе массъ. И помѣщики и сами общины наперерывъ старались сбывать не только настоящихъ нищихъ, но и лицъ, экономическое положеніе которыхъ было сомнительно. Война противъ хижинъ свирѣпствовала безпощадно; землевладѣльцы наперерывъ старались скупать хижины, чтобы ихъ разрушить и замѣнить пастбищнымъ мѣстомъ. И причина этой войны понятна; «для того, говорить историкъ закона о бѣдныхъ, Бернсъ, чтобы понизить налогъ въ пользу бѣдныхъ, надо было обезлюдить приходъ».

Города росли съ неимовѣрною быстротою. Количество старыхъ англійскихъ городовъ (*Cities*), существовавшихъ уже въ періодъ норманнскаго завоеванія—довольно не велико. Но бурги (*boroughs*), города новѣйшаго происхожденія, чрезвычайно многочисленны. Въ собственной Англіи сити всего 12; бурговъ, съ различнымъ юридическимъ положеніемъ, 576 (по статист. даннымъ 1861 г.). О внѣшней сторонѣ возрастанія числа новыхъ городовъ мы можемъ судить по количеству королевскихъ хартій, дававшихся этимъ городамъ въ разныя царствованія **). До XIII ст. количе-

*) Тамъ же.

**) Этими данными нужно пользоваться съ извѣстною осторожностію, потому

ство хартій, выданныхъ за каждое царствованіе весьма скромно. Такъ, Генрихъ I, за 35 лѣтъ (1100—1135) выдалъ ихъ 29; Стефанъ, за 19 лѣтъ (1135—1154) всего двѣ. Но уже Генрихъ III выдаетъ хартіи 52 бургамъ. Съ тѣхъ поръ мы имѣемъ дѣло съ среднимъ числомъ 40—50 бурговъ, получавшихъ хартіи. Елисавета (1558—1603) выдала 123, а Іаковъ I (1603—1625) 110 хартій. Какъ растутъ города въ Англіи можно видѣть на примѣрѣ современныхъ корифеевъ англійскаго бюргерства—Ливерпулѣ и Манчестерѣ. Въ Ливерпулѣ въ 1750 г., когда онъ былъ ничтожнымъ рыбацкимъ поселкомъ, было 6.000 жителей; въ 1760 онъ считалъ уже 25 т. Теперь, по статистич. даннымъ 1861, въ немъ 450.000. Манчестеръ, въ концѣ XVII ст. былъ немногимъ больше Ливерпуля въ 1750 г. Теперь въ немъ также около 400.000 жителей.

Всѣ интересы этого разрастающагося и скучивающагося народонаселенія группировались вокругъ одного понятія—*промышленности* и тѣсно связанной съ нимъ торговли. Мы не можемъ представить себѣ этихъ двухъ городовъ, безъ хлопчатобумажной промышленности, которая даетъ жизненную силу имъ и кормъ тысячамъ рукъ. Манчестеръ и Ливерпуль стоятъ не одни; вокругъ Манчестера группируется нѣсколько другихъ хлопчатобумажныхъ планетъ, каждая съ 20—60 тыс. жителей—Бьюри, Рочдель, Галифаксъ, Болтонъ и т. д. Города, живущіе фабричнымъ дѣломъ, выстроены и живутъ какъ фабрики. Это не центры администраціи, наукъ, искусствъ, политической жизни, удовольствій, модъ. Это огромныя мастерскія. «Города эти, говоритъ одинъ современный наблюдатель Англіи, не отличаются изяществомъ; они представляютъ собраніе кирпичныхъ домовъ, которые всѣ имѣютъ видъ фабрикъ и закопчены дымомъ. Въ расположеніи улицъ и построекъ сообразовались единственно съ удобствами производства; потому нѣтъ здѣсь внутреннихъ парковъ и садовъ; вопросы искусства и литературы чужды этимъ огромнымъ массамъ населенія; объ наукѣ нѣтъ и помину, за исключеніемъ экономическихъ вопросовъ».

Промышленность и сбытъ произведенныхъ продуктовъ составляетъ вопросъ жизни и смерти для этого новаго общества Англіи. Оно производитъ много. «Дайте намъ ходъ на другую пла-

что короли, часто нуждавшіеся въ поддержкѣ городовъ противъ аристократіи, часто давали хартіи мѣстечкамъ, незаслуживавшимъ названія городовъ.

нету, говорилъ одинъ манчестерскій фабрикантъ, и мы беремся ее одѣть». Похвальба, можетъ быть, не преувеличена, но она содержитъ въ себѣ не одно утѣшеніе, а смертный приговоръ, при не благоприятныхъ условіяхъ. Англійская промышленность не только можетъ одѣть «другую планету», но, пожалуй, будетъ нуждаться въ этой планетѣ, чтобы дать сбытъ своимъ продуктамъ, т. е. дать возможность хлѣба и труда многимъ тысячамъ рукъ. На первый разъ она нуждается все въ новыхъ и новыхъ рынкахъ, которые она открываетъ себѣ то силою пушекъ (Китай), то силою разныхъ теорій, въ родѣ свободы торговли. Сколько Англии нужно вывозить, свидѣтельствуешь, кромѣ массы рабочихъ рукъ, количество ея кораблей. Уже въ 1851 г. у нея было 34.500 кораблей съ 4.400.000 тоннъ груза и 243.000 матросовъ.

Дайте ей рынки и свободу торговли!

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о сбытѣ, должно замѣтить, что сила производительности возрастала въ поразительной прогрессіи. Въ половинѣ XVII ст. навигаціонный актъ организовалъ ея силу для борьбы съ заграничною производительностію. Со второй половины XVIII столѣтія техническія изобрѣтенія вооружили ее машинами—Уаттъ пустилъ въ дѣло силу пара, Гаргривзъ, Кромтонъ и Стратъ устроили и усовершенствовали прядильную машину, Картройтъ изобрѣлъ механическій ткацкій станокъ, наконецъ, Ричардъ Аркрайтъ свелъ въ одно цѣлое все предъидущія изобрѣтенія. Въ томъ же XVIII ст. Смитъ возвелъ на степень научныхъ принциповъ промышленный складъ Англии и создалъ какъ бы философію индустриализма. Промышленные и торговые классы получили свою идею. Оставалось провести ее въ политическую жизнь. Средства къ тому скоро представились. Рядомъ съ старою аристократіею, аристократіею земли и замка, скоро выработалась аристократія биржи, фабрики, банка. Долгое время она не имѣла доступа къ государственнымъ дѣламъ, благодаря избирательнымъ законамъ, какъ бы закрѣпившимъ право быть членомъ парламента за землевладѣльческою аристократіею. Но избирательная реформа открыла дорогу въ парламентъ этой новой силѣ. Съ тѣхъ поръ промышленно-торговое государство все болѣе и болѣе вытѣсняетъ старое—феодално землевладѣльческое.

Въ чемъ же выразилось направленіе этого новаго государства? Какъ отразилось вліяніе его интересовъ и идей на кругъ дѣятельности правительства?

Съ внѣшней стороны общая идея «самоуправленія» уцѣлѣла и въ новомъ государствѣ: по сущности дѣла радикально измѣнилась.

Старое общество понимало сущность самоуправленія и общія задачи администраціи иначе, чѣмъ это понимаетъ общество промышленное.

Поземельная аристократія, на которой держалось самоуправленіе, видѣло въ немъ средство *личнаго*, непосредственного участія въ управленіи страной. Самоуправленіе, по справедливому замѣчанію Гнейста, было какъ бы системою государственныхъ повинностей, возложенныхъ на знатнѣйшую часть народонаселенія. Каждый зажиточный землевладѣлецъ принималъ на себя какое-нибудь государственное порученіе, несъ лично и бесплатно какую-нибудь обязанность. Между этими обязанностями самое видное мѣсто занимала, разумѣется, хлопотливая и сложная должность мирнаго судьи. Разумѣется, принимая на себя подобное порученіе, «зажиточный» пріобрѣталъ огромное значеніе, дѣлался *властью*, отъ которой часто страдали окрестные жители. Но все таки для достиженія и сохраненія этой власти землевладѣльческая аристократія несла много тягостей. Благодаря этой системѣ почетныхъ, бесплатныхъ должностей (замѣщаемыхъ правительствомъ), вся сила администраціи сосредоточилась въ мѣстности. При старомъ порядкѣ только судъ и законодательство были централизованы, — въ коллегіи вестминстерскихъ судей и въ парламентѣ. Всѣ же дѣла внутренняго управленія разсматривались какъ *мѣстные* вопросы и рѣшались мѣстными почетными властями. Въ дѣйствительности эти мѣстные вопросы долго и не получали общегосударственнаго значенія. Самый жгучій внутренній вопросъ Англій, — вопросъ о бѣдныхъ, до развитія городского населенія, былъ дѣломъ мѣстнымъ, потому что бѣдные не составляли еще цѣльнаго, общегосударственнаго элемента, *пролетаріата*. Были *бѣдные* въ каждомъ отдѣльномъ приходѣ — приходъ и вѣдался съ ними при помощи мѣстныхъ властей. Но послѣ настало время, когда рабочій классъ и пролетаріатъ сдѣлался компактнымъ общегосударственнымъ элементомъ.

Мѣстный характеръ администраціи имѣлъ еще особенный отбѣнокъ, вслѣдствіе того воззрѣнія на ея *цель*, которое имѣло старое общество. Всѣ мѣстныя учрежденія старой Англій проникнуты одною идеею — идеею *охраненія мира*, т. е. тишины и порядка. Общество вышедшее изъ слоя завоевателей, раздѣлившихъ между собою страну, прежде всего направили свои усилія на

охраненіе личности и собственности. Отсюда суровые полицейскіе законы норманскаго періода. Отсюда система должностей, направленныхъ къ охраненію мира. Первоначальное названіе мирныхъ судей ясно указываетъ на сущность дѣла; при своемъ учрежденіи они названы *custodes et conservatores pacis*. Нигдѣ не видно, чтобы общество считало государственную власть призванною *положительно* содѣйствовать народному благосостоянію, въ особенности къ благосостоянію низшихъ классовъ *).

Совершенно иначе поставленъ вопросъ въ настоящее время.

Промышленные классы—мы говоримъ о зажиточной ихъ части, имѣющей уже положительное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ, — промышленные классы въ той же степени отличаются самодѣятельностью и чувствомъ свободы, какъ и старая землевладѣльческая аристократія, создавшая англійское самоуправленіе.

Но эта самодѣятельность получила другое направленіе, чувство свободы выразилось въ другихъ требованіяхъ.

Самодѣятельность всею своею силою направила на промышленныя и торговыя предпріятія; здѣсь въ полной силѣ проявляется сила частной предпримчивости; она обнаруживается въ безграничномъ производствѣ «предметовъ отпуска», созиданіи миллионныхъ состояній, быстрыхъ улучшеніяхъ средствъ промышленности и т. д. Въ этой сферѣ предпримчивость не любитъ встрѣчаться съ тѣмъ, что называется «государственнымъ вмѣшательствомъ или регламентаціей». Въ этой сферѣ идея свободы получила, главнымъ образомъ, отрицательный характеръ; идея проявляется въ формѣ требованія полной независимости въ пользованіи своими личными силами. Что касается до другаго и существеннаго понятія свободы, восполняющаго общую ея идею— понятія *личнаго участія* въ государственномъ управленіи и администраціи, то оно, по свидѣтельству всѣхъ наблюдателей, неразвито въ промышленныхъ классахъ и по очень понятной причинѣ. Участіе въ политическихъ дѣлахъ предполагаетъ, въ известной степени, отрѣшеніе отъ своихъ частныхъ дѣлъ, трату времени и силъ «непроизводительнымъ» образомъ; какъ ни обочивать вопросъ, участіе въ государственныхъ дѣлахъ предполагаетъ принятіе на себя известныхъ обязанностей, повинностей въ пользу государства. Такъ смотрѣла на дѣло земле-

*) Гнейсть die Englische Communaе Verfassung, стр. 1096 и слѣд.

дѣльская аристократія и безропотно принимала на себя разные почетныя должности. Если нынѣшняя правительственная аристократія добивалась участія въ парламентѣ, то потому, что участіе въ государственныхъ дѣлахъ, между прочимъ, обеспечивается и личныя интересы тѣхъ классовъ, которые его имѣютъ. Стало быть, на самую политическую свободу перенесено то отрицательное воззрѣніе, о которомъ мы говорили выше. Притомъ же участіе въ парламентѣ есть болѣе или менѣе высшій почетъ и всегда можно найти человѣка, «удалившагося отъ предпріятій» для занятія нехлопотливой должности члена парламента.

Но пробный камень способности къ самоуправленію, къ политической самодѣятельности есть именно мѣстное самоуправленіе. По количеству лицъ, принимающихъ на себя служеніе общему дѣлу въ мѣстности, можно судить о годности страны къ самоуправленію. Въ этомъ отношеніи оказалась полная несостоятельность новаго общества. Оно не выработало ни одной новой почетной должности, которыми такъ богатъ древній типъ самоуправленія. Въмѣсто системы почетныхъ должностей вездѣ появляется дѣятельность *выборныхъ лицъ*, и болѣею частью состоящихъ на жалованьи. Гнѣйсть справедливо замѣчаетъ, что вся политическая дѣятельность новыхъ классовъ исчерпывается подачею голоса и уплатою слѣдующей съ каждаго доли на жалованье. Промышленникъ, подавшій голосъ въ пользу извѣстнаго кандидата и уплатившій ему жалованье, полагаетъ, что всѣ счеты его съ государствомъ окончились. Новое самоуправленіе приняло форму главнымъ образомъ *коммиссій*, состоящихъ изъ лицъ выборныхъ и, болѣею частью оплачиваемыхъ!

Если мы обратимъ вниманіе на самыя задачи правленія, для которыхъ учреждаются коммиссіи и должности новаго самоуправления, то намъ понятно будетъ, какъ съ послѣднимъ сочеталось другое явленіе новаго времени—правительственная эпоха и централизація, какъ надъ мѣстными инстанціями, къ которымъ примѣняется выборное начало, возвышаются руководящія ихъ чисто правительственныя учрежденія.

Молодая королева Викторія, въ одной изъ первыхъ своихъ тронныхъ рѣчей, сказала, обращаясь къ парламенту:

«Я видѣла, съ глубокимъ сожалѣніемъ, что смятенія въ мануфактурныхъ округахъ страны продолжаются». Тоже самое могли сказать ея предшественники, по меньшей мѣрѣ они могли предсказать явленія, вызвавшія горестъ королевы.

Вотъ финансовая подкладка этого горя.

Еще въ 1750 г. налогъ въ пользу бѣдныхъ доходилъ только до 4.000.000 талер. з. Въ 1776 г. цифра дошла до 9, въ 1785 до 12, 1801 до 24, 1813 до 39, въ 1818 до 47 милліоновъ. Въ 1861 году цифра дошла до 8 милліоновъ фунтовъ ст. т. е. 56 мил. тал.

Развитіе промышленности и городовъ-фабрикъ шло параллельно съ развитіемъ нищенства и усложненіемъ рабочаго вопроса.

До образованія «промышленныхъ округовъ» вопросъ о бѣдныхъ былъ вопросомъ мѣстнымъ, дѣломъ каждаго прихода. Въ 19 столѣтіи вмѣсто отдѣльныхъ «случаевъ» бѣдности образуется цѣлое государственное сословіе нищихъ. Въ 1857 г. въ однихъ рабочихъ домахъ (in-door Relief) получило вспомошествованіе 34.311 мужчинъ, 35.000 женщинъ, до 50.000 дѣтей; да кромѣ того огромное число получило вспомошествованіе внѣ этихъ домовъ (out-door-relief). Таковыхъ, разумѣется, больше. Въ 1857, получило вспомошествованіе 762.000, а въ 1861—759.000. Всего, среднимъ числомъ, приходится лицъ, получающихъ вспомошествованіе, на общее число народонаселенія, $4\frac{1}{2}\%$.

Оставить этотъ вопросъ мѣстнымъ дѣломъ не было возможно. Еще до 1833 приходамъ дозволено и рекомендовано соединяться для призрѣнія бѣдныхъ общими силами и для устройства рабочихъ домовъ. Но дозволеніе и рекомендація не принесли своихъ плодовъ. Въ 1833 была учреждена коммиссія для изслѣдованія положенія бѣдныхъ, а въ 1834 явилось новое законодательство по этому предмету. Новый законъ вводитъ обязательное соединеніе приходовъ въ союзы для попеченія о бѣдныхъ и устройства рабочихъ домовъ. Союзы эти образуются по предписанію главнаго центрального управленія бѣдными—poor law Board. Оно же руководитъ дѣйствіями мѣстной администраціи, состоящей какъ изъ выборныхъ лицъ, не получающихъ жалованья, такъ и изъ чиновниковъ на жалованьи.

Но бѣдность, т. е. невозможность содержаться на свой счетъ—все-таки явленіе исключительное, хотя и обнимаетъ $4\frac{1}{2}\%$ всего народонаселенія. Есть вопросъ, касающійся бѣднейшей массы, о положеніи рабочихъ въ этихъ городахъ, «состоящихъ изъ кирпичныхъ домовъ, покрытыхъ дымомъ и принаровленныхъ къ производству».

Остановимся прежде всего на вопросѣ о домахъ. Какъ помѣщаются въ нихъ рабочіе? Каково ихъ жилище? Давно уже до

правительства доходили неблагоприятные слухи. Poor law board, выступая, впрочем, изъ предѣла прямыхъ своихъ обязанностей, часто публиковалъ свои «доклады» о положеніи рабочихъ классовъ. Особенное впечатлѣніе произвелъ его докладъ 1842 г. Report on the sanitary condition of the Labouring Population of Great Britain. Какія свѣдѣнія заключались въ немъ, можно судить по разказамъ путешественника, который посѣтилъ Англiю около этого же времени. Вотъ что говоритъ онъ о Лондонѣ: «тотъ же городъ, который содержитъ въ себѣ образцовые дома, красивыя улицы и зеленѣющіе парки Вестъ-энда, заключаетъ въ своей внутренности полуразвалившіяся хижины, улицы безъ мостовой, безъ освѣщенія, безъ стоковъ для нечистотъ, площади, гдѣ нѣтъ выхода для воздуха, наконецъ, зловонныя трущобы, въ которыхъ никакое другое народонаселеніе не стало бы жить, и которыя, для чести человѣческаго рода, не встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ». Извѣстно, какую репутацію пользуется часть города, которой имя Вайтъ-Чапель. Здѣсь средняя продолжительность человѣческой жизни не достигаетъ 22 лѣтъ, тогда какъ въ западномъ концѣ она доходитъ до 31 года. И это еще Лондонъ, городъ не совершенно принаровленный къ «цѣлямъ промышленности». Въ Ливерпулѣ средняя продолжительность жизни понижается до 17 лѣтъ. Тоже въ Манчестерѣ. Отчего? «Рабочіе живутъ на тѣсныхъ дворахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ высокими зданіями, наполненными всякой нечистотой, гдѣ воздухъ, никогда не перемѣняющійся, зараженъ вредными испареніями, часто въ подвалахъ. Подвалы эти такъ низки, что человѣкъ не можетъ стоять въ нихъ прямо; въ нихъ нѣтъ ни оконъ, ни половъ, такъ что здѣсь господствуетъ мракъ, сырость и зловоніе».

Въ 1843 году была учреждена королевская слѣдственная коммиссія (Commision of Inquiry). Она работала два года и пришла къ слѣдующимъ результатамъ. Города не представляютъ хорошихъ санитарныхъ условій, потому что 1) они не обладаютъ дренажами для осушенія улицъ и домовъ, 2) улицы, площади и проходы плохо вымощены; 3) нечистоты и вредные предметы не вычищаются; 4) вездѣ чувствуется недостатокъ хорошей воды; 5) дома устроены вообще дурно и не обладаютъ вентиляціею.

Правительство приняло энергическія мѣры. Для тѣхъ мѣстностей Англiи, гдѣ народонаселеніе не скучено въ большіе промышленные центры, оно издало рядъ актовъ, извѣстныхъ подъ общимъ

именем *Nuisance Removal and Diseases Prevention Acts* (1848, 1849, 1855 гг.), въ силу которыхъ противъ домохозяевъ и другихъ лицъ, виновныхъ въ отступленіи отъ санитарныхъ правилъ, примѣняется *судбно-полицейская* власть мирныхъ судей по жалобѣ заинтересованныхъ сторонъ.

Въ большимъ городамъ и густо-населеннымъ промышленнымъ округамъ примѣнена система административнаго, медицинско-полицейскаго управленія. Во-первыхъ, вся совокупность санитарныхъ мѣръ изложена въ общемъ законѣ объ общественномъ здравіи (*Public Health act*). Общее завѣдованіе этими дѣлами ввѣрено особому административному учрежденію—*General Board of Health*. Хотя въ 1853 это установленіе и уничтожено, но дѣла и власть его переданы особой комиссіи, состоящей при королевскомъ совѣтѣ. Подъ ея контролемъ и распоряженіемъ дѣйствуютъ мѣстные комиссіи по различнымъ предметамъ народнаго здравія.

Правительство пошло и должно было идти дальше. Оно ограничило число рабочихъ часовъ на фабрикахъ. Оказывая свое покровительство взрослымъ рабочимъ мужскаго пола, оно должно было, тѣмъ болѣе, оказать его женщинамъ и малолѣтнимъ рабочимъ. Оно положительно воспретило пользоваться женскимъ трудомъ для разныхъ, слишкомъ тяжелыхъ, работъ (*актъ 1842 г.*), и еще раньше регламентировало пользованіе трудомъ несовершеннолѣтнихъ (*Factory act, 1833 г.*).

Народное образованіе также не ушло подъ вліянія правительства. Во-первыхъ, по закону о бѣдныхъ учреждены школы при работныхъ домахъ. За тѣмъ, въ 1839 г., при тайномъ совѣтѣ учрежденъ особый комитетъ для народнаго образованія (*comitee of the privy council for Education*). Въ настоящее время правительство выдаетъ пособіе 5—6,000 школь, состоящихъ подъ надзоромъ комитета.

Но не одни интересы и противорѣчія въ жизни низшихъ классовъ расширили кругъ правительственной дѣятельности. Она была вызвана новыми условіями городской жизни и сложными отношеніями промышленности вообще. Во имя этихъ интересовъ совершились и изданы реформа полиціи, устроенной на вполне административный ладъ, многочисленные законы о банкахъ, объ эмиграціи и т. д. Трудно вообще перечислить, что въ настоящее время исполняется правительствомъ Англій въ виду общаго блага.

Вызываетъ ли это «вмѣшательство» противодѣйствіе со стороны новаго общества? Убѣждено ли оно въ своей способности выполнить великія общественныя предпріятія настолько, чтобы отвергать помощь государства?

Вотъ что писалъ англійскій журналъ «Экономистъ» (который никакъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ поощреніи правительственнаго вмѣшательства) въ 1856 г. послѣ большого кризиса желѣзнодорожныхъ предпріятій *):

«Эпизодъ желѣзныхъ дорогъ въ нашей общей исторіи потрясаетъ наши предвзятія мнѣнія. Великія промышленныя предпріятія одного рода съ желѣзными дорогами стоятъ на очереди... Какъ они будутъ выполнены? *Наше довѣріе къ личному интесресу понизилось.* Должны ли мы, по примѣру нашихъ континентальныхъ сосѣдей довѣриться государству больше, чѣмъ мы дѣлали прежде? Это важный и серьезный вопросъ, *который практика разрѣшаетъ положительно, а теорія отрицательно.* Опытъ говоритъ намъ, что поставить промышленность, производящую богатство подъ контрольъ законовъ—дѣло рискованное. *Но публика безпрестанно и настойчиво требуетъ вмѣшательства законодательной власти».*

Таковъ характеръ момента, переживаемаго въ настоящее время англійскимъ народомъ, таковъ одинъ изъ моментовъ его исторіи.

Пусть каждый, кто вникъ въ смыслъ приведенныхъ фактовъ, задастъ себѣ и безпристрастно рѣшить вопросъ: отъ кого шла и должна была идти въ настоящее время инициатива общественнаго благосостоянія?

Промышленное общество, новое общество, для котораго изда ны всѣ выше приведенныя мѣры, обратились къ частнымъ предпріятіямъ; оно не хочетъ знать о прежней формѣ самоуправленія, члены котораго также не признавали за государствомъ задачи положительными мѣрами содѣйствовать народному благосостоянію. Но, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ «охраненія мира» они несли на себѣ тяжесть государственнаго управленія, личнымъ трудомъ осуществляли задачи управленія. Новое общество—дастъ правительству денегъ, устроитъ для него комиссію, признанную по закону обязательною и больше ничего.

До чего дошла общественная инициатива въ новомъ обществѣ,

*) См. Дюпонъ-Вайтъ, L'individu et l'état, стр. 138.

можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Необходимость соединенія приходоу въ союзъ для управленія бѣдными, чувствовалась давно. Законъ первоначально (при Георгѣ III) предоставилъ приходамъ, буде пожелаютъ, соединяться въ такіе союзы. Что-же вышло? Добровольное соглашеніе привело къ образованію, на основаніи разныхъ мѣстныхъ актовъ и въ силу, т. наз. Gilberts, акта, какихъ-нибудь 30 союзовъ съ 2,000.000 жителей. Когда къ этому вопросу была примѣнена принудительная власть *poor law board*, съ 1834 по 1838 г. образовано 628 союзовъ съ 17 мил. жителей.

Починъ и осуществленіе всѣхъ этихъ задачъ есть дѣло правительственнаго вмѣшательства, которое въ данную минуту сдѣлалось орудіемъ прогресса.

Примѣръ Англіи, справедливо гордящейся силою частной предприимчивости, наглядно доказываетъ невозможность обнести сферу правительственной дѣятельности неизблемыми, разъ навсегда определенными, границами. Въ другой странѣ, гдѣ государство всегда дѣлало больше, чѣмъ на знаменитомъ островѣ, Дюпонъ-Вайтъ въ правѣ былъ сказать: «роль государства столь же разнообразна, какъ дѣли прогресса, развитіе государства совершается параллельно съ общественнымъ совершенствованіемъ».

Трудно указать, какою пользою принесла политической жизни теорія, что государство призвано единственно къ охраненію даннаго общественнаго строя—но вредъ ея осязателенъ. Она привела къ тому, что тамъ гдѣ правительства убѣждались въ ея истинѣ, они дѣлались элементами застоя и твердили вслѣдъ за старыми парламентами Англіи: *nolumus leges Angliae mutari*. Теорія историческаго прогресса должна призвать къ *совмѣстной* дѣятельности всѣ факторы національной жизни, распредѣляя между ними, на основаніи практическихъ соображеній, то, что въ данную минуту можетъ быть предметомъ частной предприимчивости, и то, что нуждается въ содѣйствіи общественной власти. Съ этой точки зрѣнія совершенно справедливы слова одного изъ замѣчательныхъ мыслителей Франціи—*Бюше* *). «Когда правительства, говоритъ онъ, убѣдятся, что прогрессъ есть законъ общества, что во всѣ времена силу правительства составляли услуги, оказанныя въ необходимомъ или логическомъ порядкѣ прогрессивности, ни одно изъ нихъ не предпочтетъ безплодный и

*) Buechez, *Traité de Politique et de science sociale*, т. II, стр. 125.

опасный путь сопротивленія, направленію прогрессивному, полезному для него самого и для человѣчества».

ХІІ.

НАСИЛІЯ И ВЕЗПОМОЩНОСТЬ РАЦИОНАЛИЗМА. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Итакъ, наука можетъ имѣть извѣстный положительный взглядъ на государство и разрѣшить удовлетворительно разныя сомнѣнія относительно разрушенія и уничтоженія этой формы общежитія.

Законы образованія и развитія человѣческихъ породъ, языковъ и религій; физическія и географическія особенности страны; особенности экономическаго строя извѣстнаго народа; вліяніе всѣхъ этихъ особенностей на развитіе народностей; естественное стремленіе каждой народности образовать свое государство; значеніе политической формы для обеспеченія внутренняго единства и внѣшней независимости народности—всѣ эти указанія естествознанія, филологіи, географіи, политической экономіи и исторіи могли бы дать достаточно матеріала для выясненія неизмѣнныхъ, какъ законъ природы, основаній бытія народности и ея политической формы.

Затѣмъ, историческій методъ, ученіе о зависимости всѣхъ общественныхъ явленій отъ условій мѣста и времени, понятіе прогресса общественнаго, т. е. постояннаго видоизмѣненія этихъ условій, необходимость разрѣшенія каждаго общаго вопроса не иначе, какъ съ точки зрѣнія опредѣленнаго историческаго момента, даютъ достаточно средствъ для отвѣта на вопросъ, можетъ ли *дѣятельность* государства быть опредѣлена, ограничена или видоизмѣнена извѣстными незыблемыми, безусловными границами.

Нужно замѣтить, что всѣ эти понятія иногда прокладываютъ себѣ дорогу и въ область политическаго рационализма; отвлеченные мыслители иногда проговариваются реальными, историческими истинами.

Одна изъ такихъ истинъ недавно высказана извѣстнымъ государствовѣдомъ *Блючли*. Въ своей послѣдней книгѣ: «Новое международное право» *) онъ рассуждаетъ объ основаніяхъ не-

*) Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten, 1868 г. стр. 46 и слѣд.

зависимости государствъ во внутреннихъ дѣлахъ слѣдующимъ образомъ.

Ученіе о независимости государствъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ долгое время покоилось на чисто внѣшнемъ, юридическомъ основаніи—на понятіи верховенства и независимости *государственной власти*. Эта теорія династической легитимности была возведена въ международный принципъ трактатами вѣнскаго конгресса. Съ этой формальной, юридической точки зрѣнія вліянія попытки къ дѣйствительной независимости народностей (попытки въ родѣ итальянскаго движенія 1859 г., въ родѣ современнаго движенія въ Австріи) разсматривались какъ революціонныя предпріятія. Отъ этого самый принципъ государственной независимости представлялся чѣмъ-то недоказаннымъ, а въ практическомъ своемъ примѣненіи онъ стѣснялъ народную жизнь.

Совершенно иначе былъ постановленъ вопросъ, когда основаніемъ права государства на независимость было признано другое высшее право каждой *народности* на самостоятельное развитіе и самоопредѣленіе (*Das Recht der nationalen Entwicklung und der Selbstbestimmung der Völker*). «Это былъ великій успѣхъ въ правосознаніи, говоритъ онъ, когда наконецъ убѣдились, что народы суть живыя существа и что, соотвѣтственно этому, его государственныя учрежденія, которыя, какъ организація и какъ бы тѣло народа, опредѣляютъ и обусловливаютъ его жизнь, должны принимать измѣненія, необходимыя для того, чтобы содѣйствовать и сопутствовать развитію этой жизни. *Черезъ это само юридическое понятіе было одухотворено. Прежде оно было мертво и холодно. Теперь оно сдѣлалось полно жизни и теплоты.*»

Легко убѣдиться, что все политическія понятія, къ которымъ мы часто относимся какъ къ «холоднымъ» логическимъ формуламъ, сдѣлаются полны жизни, получаютъ «душу живу», когда наука станетъ на ту почву, на которой, подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ историческихъ событій, поставлено понятіе о государственной независимости.

Если многія противорѣчія и «отрицательныя» стремленія въ практической *жизни* государствъ могутъ быть устранены истинно національною и прогрессивною политикою государствъ, то завоеванія, дѣлаемые въ умственной сферѣ разными «разрушительными» доктринами, могли бы быть остановлены научно-поставленною *идеєю національнаго и прогрессивнаго* государства

Даетъ ли современная наука эту идею современному обществу? Даетъ ли ее, въ большинствѣ случаевъ, современная практика? Могутъ ли они дать ее, при существующемъ методѣ изслѣдованія и воззрѣнія на государство?

Къ сожалѣнію, всѣ три вопроса должны быть разрѣшены отрицательно.

Существующій методъ не дозволяетъ видѣть истинныхъ основъ государственной формы,—основъ, опредѣляющихъ ея значеніе и принципы ея прогрессивной дѣятельности среди національнаго общества. Скажемъ больше: государствовѣды обыкновенно отказываются наотрѣзъ отъ тѣхъ основаній государства, которыя могли бы дать имъ положительныя и историческія знанія; они ищутъ рациональныхъ, *юридическихъ основаній* государства.

Вотъ, напримѣръ, что говоритъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ учебниковъ общаго государственнаго права—учебникъ Цюпфля *).

«Часто, говоритъ онъ, смѣшивали и отождествляли вопросъ о *юридическомъ основаніи государства* (Rechtsgrund des Staates) съ вопросомъ о его *происхожденіи* (Entstehung)». Вопросъ о происхожденіи государства, говорится далѣе, есть вопросъ чисто историческій. Юридическіе приемы не могутъ разрѣшить его. Но за то и историческое ученіе о происхожденіи государства не въ силахъ дать отвѣтъ на вопросъ объ основаніяхъ его существованія и власти надъ недѣлимымъ. Вопросъ этотъ, подлежащій «философской спекуляціи» (philosophische speculation) **) формулируется, по словамъ Цюпфля, слѣдующимъ образомъ: «чѣмъ оправдывается (wodurch ist gerechtfertigt) бытіе (Dasein) государства и его господство надъ недѣлимымъ?» То же самое, только другими словами, говорятъ прочіе ученые.

«Какою общею разумною идеею можетъ быть оправдано существованіе государства и его господство надъ недѣлимымъ», говоритъ Германнъ Шульце въ своемъ введеніи въ общегерманское государственное право ***).

*) Zöpfl, Grundsätze des Gemeinen Deutschen Staatsrechts, т. I, стр. 58 и слѣд. по пятому изд. 1863 г.

**) Методъ спекулятивной (вѣрнѣе всего перевести *созерцательной*) философіи состоитъ въ объясненіи смысла и связи явленій чрезъ выясненіе ихъ отношенія къ общей идеѣ, найденной a priori. Всѣ частныя явленія должны быть *выведены* изъ этой идеи и объяснены ею.

***) Hermann Schulze, Einleitung in das Deutsche Staatsrecht, Leipz. 1867, § 41, стр. 138 и слѣд.

«Понятія, происхожденія и причины существованія государства, говоритъ другой, часто еще смѣшиваются; они различаются, однако, между собою тѣмъ, что понятіе причины (*raison, ratio*) есть *принципъ права, во имя котораго государство существуетъ*, и въ то же время *творческая сила или внутренний источникъ* происхожденія государства, тогда какъ различные способы проявленія этой силы въ исторіи составляютъ внѣшніе или историческіе источники происхожденія государства вообще или каждаго отдѣльнаго государства въ частности» *).

«Дозволительно ли, съ юридической точки зрѣнія, существованіе государствъ?» тоскливо допрашиваетъ Р. фонъ-Мольтъ въ своей энциклопедіи государственныхъ наукъ **).

Уяснимъ себѣ прежде всего всю важность раздѣленія вопроса о происхожденіи государства отъ вопроса объ его рациональномъ, юридическомъ основаніи.

Происхожденіе государства, какъ мы видѣли, зависитъ отъ множества причинъ и условій; разрѣшая этотъ вопросъ, мы имѣемъ дѣло съ законами образованія племенъ, языковъ, различныхъ культуръ, народностей, съ ихъ естественными стремленіями къ единству и независимости, съ разнообразными отношеніями, которыя нужно регулировать, съ множествомъ интересовъ, нуждающихся въ удовлетвореніи, съ постоянною потребностію улучшать жизненные условія или посредствомъ частной предприимчивости, или посредствомъ дѣйствія власти.

Всѣ эти основанія общественныхъ связей, эти причины и условія происхожденія государства признаются *недостаточными* для объясненія его существованія. Всѣ они должны дать мѣсто *rationes*, выведеннымъ спекулятивно изъ идеи права или вообще изъ какой-нибудь «идеи».

На чемъ же основано убѣжденіе въ *недостаточности* такихъ, повидимому, прочныхъ основаній? Что обеспокоиваетъ рациональное государствовѣдѣніе?

Отвѣтъ на-лицо.

«Такъ какъ государство, говоритъ Цѣпфль, въ качествѣ верховной формы общежитія, ставитъ себя въ господственное отношеніе къ недѣлимому, то въ силу этого возникаетъ *протживорпніе*

*) Ahrens, Cours de droit Naturel ou de philosophie de droit, т. II, § 105, стр. 314 и слѣд. *шестого* изданія.

**) R. v. Mohl, Encyclopädie der Staatswissenschaften, 1 59 г. § 13, стр. 86.

между государствомъ и личною свободою; это противорѣчiе не могло не вызвать ряда изслѣдованiй о юридическомъ основанiи, т. е. о *юридически оправдывающемъ* основанiи этого господства государства и подчиненiя недѣлимаго» *).

Нечего говорить о томъ, что самое существованiе подобнаго «противорѣчiя» въ государствѣ (мы говоримъ объ идеѣ націо-нально-прогрессивнаго государства) можетъ быть доказано съ трудомъ, такъ какъ государственная форма и дѣятельность государствъ суть существенныя условiя развитiя свободы и всечеловѣческаго совершенствованiя человѣка. Во-вторыхъ, это противорѣчiе, если бы оно существовало дѣйствительно, могло бы имѣть практическiя послѣдствiя только при томъ предположенiи, что самое *происхожденiе* государства зависѣло отъ дѣйствiя личной воли и индивидуальныя силы.

Но самыя рѣшительныя сторонники «юридическаго основанiя» не рѣшаются объяснять происхожденiе государства чисто личными стремленiями, дѣйствiемъ индивидуальной воли. Они называютъ этотъ вопросъ *историческимъ*, т. е. говорятъ, что происхожденiе государствъ зависитъ отъ цѣлаго ряда причинъ и условiй, между которыми личная воля занимаетъ не особенно видное мѣсто.

Другими словами, они не рѣшаются примѣнить къ вопросу о происхожденiи государства того же метода, какъ и къ вопросу о его основанiяхъ. Они сурово порицаютъ, напримѣръ, теорiю общественнаго договора, который видѣлъ причину происхожденiя государства въ актѣ свободнаго соглашенiя людей. И совершенно напрасно. Старые рационалисты и метафизики, основавшiе теорiю общественнаго договора, имѣли за собою одно несомнѣнное достоинство — единство метода. Признавъ личное стремленiе къ общежитiю единственнымъ мотивомъ образованiя общества и личную волю единственнымъ способомъ осуществленiя этого стремленiя, они примѣнили эти понятiя единства и къ вопросу о «происхожденiи» и къ вопросу объ «основанiи». Общество возникло, по ихъ понятiямъ, вслѣдствiе договора, этотъ же договоръ былъ и основанiемъ государства и общества. Зато въ ихъ ученiи и не было никакихъ «противорѣчiй», по крайней мѣрѣ, внѣшнихъ, логическихъ.

Новѣйшая теорiя предоставляетъ вопросъ о «происхожденiи» —

*) Цюль, назв. соч. Тамъ же.

исторіи; но къ вопросу объ основаніяхъ примѣняетъ прежній методъ, оставленный ей, въ сущности, теорією договора. Она оправдываетъ этотъ пріемъ существованіемъ указаннаго выше «противорѣчія». Но легко замѣтить, что это противорѣчіе вытекаетъ не изъ существа общественныхъ отношеній, потому что иначе пришлось бы признать противорѣчіемъ необходимый историческій процессъ перехода низшихъ формъ общезитія въ высшую. Противорѣчіе возникло изъ качествъ и свойствъ *метода*, удержаннаго государствовѣдніемъ, не смотря на успѣхи прочихъ наукъ. Если мы говоримъ, что извѣстное явленіе имѣетъ «право на существованіе» постольку, поскольку его основанія могутъ быть объяснены раціональнымъ путемъ,—мы невольно становимся въ *противорѣчіе* съ историческими, бытовыми основаніями явленія. Но, замѣтимъ это разъ навсегда, противорѣчіе это существуетъ между явленіемъ и *нами* или, лучше сказать, между явленіемъ и нашимъ методомъ изслѣдованія, но никакъ не въ существѣ явленія.

Конечно, это соображеніе ничего не говоритъ противъ того факта, что въ каждомъ явленіи, въ особенности частномъ, бываютъ *внутреннія* противорѣчія. Они раскрываются или вслѣдствіе того, что извѣстное явленіе утратило свою жизненную силу, разлагается, готово перейти въ другую форму, или вслѣдствіе того, что оно не ладитъ уже съ общимъ строемъ общественной жизни, въ прочихъ своихъ явленіяхъ ушедшей впередъ. Таково было положеніе крѣпостнаго права въ XIX ст., таково теперь положеніе палаты лордовъ въ Англійи. Но такія противорѣчія усматриваются и изслѣдуются не иначе, какъ при помощи историческихъ средствъ, т. е. въ отношеніи извѣстнаго явленія ко всему строю общества и ко всѣмъ частнымъ его явленіямъ.

Понятно также, что исторія говоритъ о противорѣчіяхъ, раскрывающихся и уничтожающихся въ процессѣ народнаго развитія; слѣдовательно, она не имѣетъ дѣла съ противорѣчіями безусловными, «принципіальными», но съ противорѣчіями *относительными*. Рыцарство не было противорѣчіемъ въ эпоху крестовыхъ походовъ; но оно противорѣчило складу того общества, для котораго Сервантесъ написалъ своего Донъ-Кихота.

Напротивъ Цѳоль, Мольтъ, Аренсъ и т. д. выводятъ необходимость теоріи «юридическаго основанія» изъ предположенія противорѣчія принципіальнаго, вѣчнаго и безусловнаго между абсолютною идеею личности и абсолютною же идеею государства. Конечно

рѣшиться при современномъ успѣхѣ знаній), то мы должны будемъ признать, что человѣческая воля и дѣятельность такъ же относится къ міру нравственному и политическому, какъ и къ «предметному». Міръ этотъ, какъ было указано выше, слагается изъ элементовъ, бытіе которыхъ не зависитъ отъ человѣческой воли. Мы не можемъ уничтожить ни одного атома нравственной и политической природы человѣка, ни одного изъ существенныхъ ея элементовъ: ни племенныхъ различій, ни особенностей языка, ни естественныхъ стремленій народности къ независимости и единству, ни общаго требованія государственности. Человѣческая воля имѣетъ значеніе только въ дѣлѣ комбинаціи этихъ элементовъ и видоизмѣненія ихъ формы, но и при этомъ она должна принимать въ расчетъ естественные законы, по которымъ развиваются человѣческія общества, иначе всѣ усилія ея будутъ безуспѣшны и безплодны.

Съ этой точки зрѣнія понятно, на сколько бытіе явленій нравственного и политическаго міра можетъ быть объясняемо ихъ цѣлью. Теорія цѣлей и цѣлесообразности непримѣнима къ отдѣльному человѣку и къ цѣлому обществу.

Относительно отдѣльнаго человѣка никто не рѣшится теперь сказать, что онъ существуетъ для осуществленія разныхъ цѣлей: каждый убѣжденъ, что вся совокупность человѣческихъ цѣлей возникаетъ изъ факта существованія человѣка, изъ условій его сохраненія и развитія. *Sum, quia sum*. Понятіе цѣлей не есть здѣсь ничто первоначальное, но по существу своему производное.

Общество со всѣми его элементами возникаетъ не изъ извѣстныхъ цѣлей, а всѣ цѣли его возникаютъ изъ условій его существованія и развитія: *sum, quia sum*. Не цѣль объясняетъ бытіе общества, а цѣли общественныя объясняются его существованіемъ; не общество основано на своей цѣли, а какъ разъ наоборотъ.

Телеологическое объясненіе бытія явленій, съ научной точки зрѣнія и просто съ точки зрѣнія здраваго смысла, всегда отличалось двумя признаками: *недостаточностію* и *неубѣдительностію*.

Нечего удивляться, что и доказательства необходимости государства, представленныя политической философіею, отличаются тѣми же признаками; они всѣмъ кажутся недостаточными и никого не убѣждаютъ.

Какимъ образомъ бытіе государства можетъ быть выведено изъ понятія о его цѣли? Это прежде всего зависитъ отъ того содержанія, которое мы дадимъ понятію цѣли.

Содержаніе государственной цѣли прежде всего опредѣляютъ идею *права*, составляющаго, какъ говорятъ, самую безспорную и специальную задачу государства, его внутреннее «существо». На сколько эта идея можетъ объяснить бытіе государства?

Право, въ самомъ общемъ своемъ опредѣленіи, есть совокупность нормъ, опредѣляющихъ извѣстныя человѣческія отношенія. Разсматриваемое съ точки зрѣнія личныхъ отношеній, оно подходитъ подъ опредѣленіе Канта, въ силу котораго право есть совокупность условій, при которыхъ свобода одного совмѣщается съ свободой другаго, по всеобщему закону свободы. Въ сферѣ публичной право проводитъ границу между государственною властью и частною свободою. Словомъ, вездѣ и во всякомъ случаѣ право даетъ извѣстную *форму* человѣческому общежитію, человѣческимъ отношеніямъ; оно опредѣляетъ условія существованія различныхъ элементовъ политическаго общества. Но даетъ ли оно *бытіе* этимъ отношеніямъ и элементамъ? Право опредѣляетъ, въ какомъ отношеніи государство должно находиться къ подчиненнымъ организмамъ, но имъ ли создано государство и эти организмы? Другими словами: возможно ли опредѣляемое *содержаніе* выводить изъ опредѣляющей его формы?

На этотъ вопросъ очень хорошо отвѣчаетъ одинъ изъ замѣчательныхъ критиковъ современныхъ воззрѣній на государство, К. Францъ.

«Право, говоритъ онъ, не имѣетъ въ себѣ ничего творческаго, оно не порождаетъ никакихъ связей, оно вездѣ предполагаетъ фактически существующія связи, на которыя оно дѣйствуетъ формирующимъ образомъ, слѣдовательно, регулятивно, но неучредительно. Ни бракъ, ни община не возникаютъ изъ права, точно также и государство. Даже такія чисто вишіе союзы, какъ на примѣръ акціонерная компанія, вызываются къ бытію не правомъ, но интересами участниковъ, — право даетъ только форму этому союзу».... «Здѣсь заблужденія договорной (т. е. и раціональной) теоріи, продолжаетъ онъ, обнаруживается еще въ новомъ свѣтѣ. Она хотѣла, въ самомъ дѣлѣ, вывести цѣлое государство изъ формы, откуда могли постоянно возникать только безсодержательныя формулы. На сколько распространено это ошибочное направленіе, видно даже теперь изъ разныхъ проектовъ конституцій, исходящихъ всегда изъ «всеобщей схемы». Подробности этой схемы развивались болѣе по *логическимъ* требованіямъ, нежели по дѣйствительнымъ потребностямъ, при чемъ

дарства. Ученіе о цѣляхъ дѣлается средствомъ объясненія и «оправданія» существованія государственной формы. Въ этомъ видѣ вопросъ о «цѣляхъ» занимаетъ неподобающее ему мѣсто въ наукѣ и приводитъ къ извращенію всѣхъ понятій о государствѣ.

Методъ объясненія бытія вещей ихъ цѣлью, въ настоящее время составляющій печальную особенность государственныхъ наукъ, въ прежнее время былъ усвоенъ почти всѣми отраслями знаній. Прежнія науки отличались вообще *телеологическимъ* характеромъ, т. е. рассматривали каждое явленіе въ отношеніи къ его цѣли, выходя изъ той гипотезы, что все мірозданіе организовано по извѣстному предвзятому раціональному плану, сущность котораго можетъ быть выяснена изъ общихъ началъ разума. Самое понятіе цѣли, съ телеологической точки зрѣнія, вытекало не изъ *внутреннихъ* условій развитія и существованія предмета, но изъ понятія идеи, лежащей какъ-бы *внѣ* его, но организующей внѣшнее соотношеніе предметовъ. Такимъ образомъ, прежнія науки имѣли дѣло съ понятіемъ *внѣшнихъ цѣлей*, данныхъ предметамъ и объясняющихъ причину ихъ существованія.

Разумѣется, этотъ взглядъ былъ развитъ больше всего въ эпоху схоластической философіи, въ періодъ теологическаго міросозерцанія. Но и послѣ упадка этой философіи теорія внѣшнихъ раціональныхъ цѣлей долгое время господствовала въ умахъ людей. Она опровергалась по частямъ, по мѣрѣ открытія положительныхъ *законовъ* мірозданія и міровой жизни. Такъ до открытія положительныхъ законовъ всемірнаго тяготѣнія, законовъ центробѣжной и центростремительной силы, астрономы доказывали, что орбиты планетъ должны имѣть круглую форму, на томъ основаніи, что кругъ есть наиболѣе совершенная линія, а Богъ не могъ создать ничего не совершеннаго. Такъ возвышеніе воды въ насосахъ, при образованіи безвоздушнаго пространства, объясняли тѣмъ, что природа боится пустоты. Не говоримъ уже о болѣе грубыхъ понятіяхъ, вытекавшихъ изъ этого общаго воззрѣнія: какъ, въ силу этихъ понятій, солнце существуетъ для того, чтобы освѣщать землю, какъ «вся еже есть суцгаго» сотворено на потребу человѣка, какъ волоса покрываютъ нашу голову для того, чтобы грѣть ее, какъ самъ человѣкъ существуетъ для того, чтобы осуществить высшія цѣли своего «призванія».

Но даже въ тѣ времена теорія внѣшнихъ цѣлей не доходила до крайнихъ своихъ послѣдствій. Конечно, самый рѣшительный телеологъ, объяснявшій существованіе солнца необходимостію

освѣщать землю, не рѣшился бы утверждать, что еслибы было доказано, что цѣль освѣщенія и нагрѣванія земли можетъ быть достигнута другими средствами, солнце прекратило бы свое существованіе.

Только въ области нравственныхъ и политическихъ наукъ телеологическіе приемы достигли крайняго своего развитія и по очень понятной причинѣ. Внѣшій, предметный міръ состоитъ изъ явленій, бытіе которыхъ не зависитъ отъ человѣческой воли. Телеологія считала возможнымъ объяснить причину ихъ бытія чрезъ объясненіе ихъ цѣли. Но, во всякомъ случаѣ, она относилась къ ихъ бытію какъ къ *данному*, существующему независимо отъ человѣческой воли.

Напротивъ, область политическихъ и нравственныхъ явленій признавалась чѣмъ-то вполне зависящимъ отъ человѣческой воли. Бытіе ихъ, какъ полагали (и полагаютъ), можетъ быть объяснено не только ихъ цѣлью вообще, но и актомъ человѣческой воли, создавшей это явленіе, въ виду опредѣленной цѣли.

Это различіе между физическими и нравственными науками, упорно держащееся до настоящаго времени, есть главная причина того, что телеологическое воззрѣніе сохранило свое господство въ политикѣ. Между тѣмъ это различіе не имѣетъ никакого основанія.

Во первыхъ, человѣческая воля и дѣятельность имѣютъ свое значеніе и въ предметномъ мірѣ. Если бы мы могли предположить противное, то экономистамъ пришлось бы исключить изъ своей науки весь отдѣлъ о *производствѣ*, который разсуждаетъ о томъ, какъ человѣческій трудъ видоизмѣняетъ форму матеріи и творитъ цѣнности. Ученіе о производствѣ справедливо различаетъ два факта: существованіе извѣстныхъ элементовъ матеріи, которыхъ бытіе не зависитъ отъ воли и дѣятельности человека, и, во-вторыхъ, извѣстную комбинацію этихъ элементовъ, посредствомъ которой производитель, знающій законы природы, видоизмѣняетъ форму матеріи и дѣлаетъ ее способною къ потребленію. Мы не можемъ ни создать, ни уничтожить ни одного атома матеріи, но можемъ видоизмѣнять ея форму согласно нашимъ потребностямъ, и то не иначе, какъ на основаніи неизмѣнныхъ законовъ природы.

То же самое должно сказать и о явленіяхъ нравственнаго и политическаго міра. Если мы не рѣшимся исходить изъ понятія абсолютной, метафизической свободы воли (на что врядъ можно

но, и личность и государство, какъ явленія живыя, дѣйствующія вмѣстѣ и другъ для друга, не породили его. Оно явилось вслѣдствіе того, что метафизическая философія, въ свое время и подъ вліяніемъ историческихъ условій (о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ) отвлекло и возвело въ абсолютъ *идею* личности и *идею* государства, а вслѣдъ затѣмъ противоположила ихъ другъ другу.

Но конечнымъ результатомъ такого противоположенія должно быть все-таки примиреніе, соглашеніе. Несмотря на противорѣчіе, государство должно быть дедуцировано, построено на прочныхъ основаніяхъ. Къ этой цѣли одинаково стремятся всѣ государствовѣды. Остается узнать, на сколько пригодны ихъ способы для достиженія такой важной цѣли.

Прежде всего необходимо остановиться на свойствахъ этого способа.

Новѣйшая теорія ищетъ разумной причины бытія государства, — *идеи*, которая бы оправдывала его существованіе.

Какъ можетъ быть найдена эта идея, въ какомъ порядкѣ общественныхъ явленій скрывается она? Рядъ историческихъ явленій, *предшествовавшихъ* установленію государственной формы, рядъ условій, вліявшихъ на постепенное установленіе общественныхъ связей, на прогрессивное движеніе общества отъ одной формы къ другой, признается недостаточнымъ для объясненія государственной идеи. Поэтому ее должно искать въ ряду явленій, *слѣдовавшихъ* за установленіемъ государственной формы, — въ явленіяхъ, которыя могутъ считаться результатомъ государственной дѣятельности. Другими словами: мы должны искать идеи государства не въ условіяхъ и причинахъ его *образованія*, но въ *цѣляхъ* его послѣдующей дѣятельности. Бытіе государства должно быть оправдано его *целью*.

Дѣйствительно, къ этому выводу приходитъ огромное большинство современныхъ государствовѣдовъ.

Они одинаково отвергають естественно-историческую теорію государства, хотя не совершенно развитую въ ученіи, напимѣрь, Аристотеля. Съ точки зрѣнія этой теоріи, государство существуетъ такъ же необходимо, какъ и всѣ его элементы, — оно есть форма бытія осѣдлой народности. «Этимъ способомъ, говоритъ Цѳфль, вопросъ объ юридическомъ основаніи государства совершенно заканчивается и разрѣшается; государство при этомъ не нуждается ни въ какомъ дальнѣйшемъ оправданіи, но осно-

ваніе его бытія лежить въ самомъ этомъ бытіи, какъ необходимый фактъ. Государство, подобно всякому недѣлимому, можетъ сказать: *sum, quia sum*—есмь, потому что есмь». Теорія эта, говорится далѣе, достаточна лишь настолько, насколько она видитъ въ государствѣ проявленіе извѣстной идеи, чрезъ которую объясняются и естественно-историческіе факты.

Точно также отвергаются разныя теоріи, недостаточныя для современныхъ государственныхъ формъ, но вѣрно указывающія на принципъ его первобытныхъ формъ,—напримѣръ, теоріи патріархальную, патримоніальную и т. д.

Государство, говоритъ Шульце*), оправдывается его разумною идеею, его *цѣлью*». Мольтер**), задавши вопросъ о «дозволительности» существованія государства, отвѣчаетъ на него утвердительно, такъ какъ, говоритъ онъ, человекъ только въ государствѣ можетъ обеспечить различныя сферы своей жизни и осуществить свои цѣли. Еще рѣзче высказывается тотъ же Цѣпфль: «государственная цѣль, говоритъ онъ, есть разумная идея, осуществляемая чрезъ существованіе государства, и она, именно потому, что составляетъ нравственную сущность послѣдняго, является по отношенію къ членамъ государства, какъ практическое требованіе разума». И далѣе: «государственная цѣль есть не что иное, какъ существо самого государства»***).

Не подлежитъ сомнѣнію, что вопросъ о цѣли государства занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ политической философіи, но далеко не то, какое думаютъ дать ему названные ученые.

Вопросъ о цѣли государства есть вопросъ о томъ, какія условія общежитія должны быть обеспечены и интересы общества осуществлены принудительною дѣятельностію государства? Это есть вопросъ о распредѣленіи разныхъ задачъ между данными и опредѣленными силами—частною предприимчивостію и государственною властью. Ученіе о государственныхъ цѣляхъ имѣетъ въ виду выяснить общіе принципы *дѣятельности* государства, начала *управленія*, но не имѣетъ никакого отношенія къ причинамъ бытія государства.

Напротивъ, государствовѣды стождествляютъ вопросъ о государственныхъ цѣляхъ съ вопросомъ о причинахъ *бытія* госу-

*) Назв. соч., стр. 166.

**) Назв. соч., тамъ же.

***) Стр. 41 и прим. 1.

всякое вниманіе къ даннымъ отношеніямъ обыкновенно исчезаетъ. Дѣло часто принимаетъ такой видъ, *какъ будто государство состоитъ изъ однихъ законовъ* и изъ этихъ законовъ должно возникнуть самое состояніе общества, т. е. содержаніе изъ законовъ.... Источникъ этого зла заключается въ ложномъ взглядѣ на право, въ представленіи, что оно имѣетъ творческую силу и въ особенности можетъ и должно основать государство, при чемъ дѣйствительно творческія силы, т. е. физическіе и нравственные элементы, оставляются почти безо всякаго вниманія. Соотвѣтственно этому и *ученіе государства* разсматривалось только какъ *государственное право*, тогда какъ послѣднее есть отрасль науки о государствѣ, — отрасль, которая не можетъ существовать сама по себѣ, но неизбѣжно сдѣлается сухою вѣтвью, къ которой будетъ прекрѣплена, подобно паутинѣ, сѣтъ пустыхъ формулъ».

Итакъ, идея права не можетъ быть «внутреннимъ, живымъ существомъ» государства, ни историческою причиною, ни рациональнымъ основаніемъ его бытія. Черезъ совокупность юридическихъ нормъ государственная жизнь получаетъ опредѣленную форму, всѣ отношенія дѣлаются прочными, право неприкосновеннымъ. Но неужели вопросомъ о «формѣ» исчерпывается все содержаніе великой общественной науки? Всякій трезвый умъ пожелаетъ еще изслѣдовать, что станетъ *дѣлать* политическое общество, получившее извѣстную форму?

Политическая наука слишкомъ долгое время останавливалась на вопросѣ о государственномъ *устройствѣ*, на сколько послѣднее зависитъ отъ юридическихъ нормъ. Вопросъ этотъ въ свое время (до французской революціи) былъ такъ важенъ, и юридическія гарантіи до такой степени были необходимы для его разрѣшенія, что умъ философовъ и публицистовъ, направленный въ сторону, увидѣлъ въ «правѣ» альфу и омегу государственной жизни, внутреннюю сущность и конечную цѣль государства.

Но XIX ст. начало утомляться спорами объ «устройствѣ»; оно выдвинуло на первый планъ вопросъ о государственномъ *дѣйствіи*. Этотъ вопросъ уже не могъ быть разрѣшенъ юридическими формулами. Тщетно юристы-государствовѣды доказывали, что люди соединились въ государство единственно для права, что право есть главное связующее начало общежитія, и государство призвано для его осуществленія. Страшное развитіе промышленности, раздоры между трудомъ и капиталомъ, рабочій вопросъ,

банковое дѣло, желѣзныя дороги, народное образованіе, требованіе мѣръ общественной гигиены, обеспеченіе народнаго продовольствія, помощь бѣднымъ, тарифы, національный вопросъ, движенія въ Италіи, Австріи, Турціи и т. д.—все это подсказывало, что *дѣйствіе* государства имѣть въ виду еще и другіе интересы, и что если оно замкнется въ строго юридическую сферу, оно сдѣлается безплодно, и самое государство не будетъ имѣть никакого резона продолжать свое существованіе.

XIX ст. потребовало отъ государства *дѣйствія*; оно же стремится поставить государство на національную почву, т. е. здѣсь ищетъ смысла и право его существованія. Среди этого всеобщаго движенія, чтò говоритъ наука, взлелѣянная на «раціональныхъ формулахъ»? Она, вмѣстѣ съ партією раціональныхъ индивидуалистовъ, призываетъ *къ порядку*. Когда оказывается, что ея *Rechtsgrund* никого не убѣждаетъ и всѣмъ кажется недостаточнымъ, когда среди шумныхъ требованій жизни, непрерывной передѣлки карты Европы, движенія новыхъ экономическихъ силъ, ея формулы о существѣ права оказываются недостаточными, и общество желаетъ видѣть въ государствѣ нѣчто другое, чѣмъ простую страховую компанію *Brandkasse* (какъ выражался о государствѣ извѣстный Шлецеръ),—она поворачиваетъ на него пушки... настоящія пушки, заряженныя картечью, усовершенствованныя докторомъ Крупномъ.

Вездѣ раздаются крики о быстромъ распространеніи разрушительныхъ теорій; лѣтосчисленіе этихъ пагубныхъ явленій ведется съ «нечестивца» Прудона, провозгласившаго анархію.

Но припомнимъ факты. Противъ какого государства возстаетъ Прудонъ, напримѣръ въ своей «системѣ экономическихъ противорѣчій»? Слова его слишкомъ ясны: онъ имѣетъ въ виду именно эту пустую «форму», хотя «одухотворенную» идею права, но которая призвана къ «бездѣйствію и охраненію». Указавъ на глубокіе, жгучіе вопросы современной жизни, отъ разрѣшенію которыхъ государство систематически устраняется, онъ продолжаетъ:

«Жалкіе актеры парламентскихъ трагедій, вотъ что вы такое—талисмань противъ будущаго! Каждый годъ приносятъ вамъ жалобы народа, и когда васъ спрашиваютъ о средствахъ противъ зла, ваша мудрость закрываетъ себѣ лице... Вся ваша энергія стоитъ за неподвижность, вся ваша добродѣтель улечивается въ пожеланіяхъ! Подобно фарисею, вы, вмѣсто того, чтобы кор-

мить вашего отца, молитесь за него! Я говорю вамъ, мы обладаемъ секретомъ вашего назначенія: вы существуете для того, чтобы мѣшать жить. *Nolite ergo impereare, ступайте прочь!*..

«Но мы, сознающіе назначеніе власти съ другой точки зрѣнія; мы, желающіе чтобы *спеціальною задачею* правительства было *извѣдываніе будущаго, исканіе прогресса*, доставленіе всѣмъ свободы, равенства, здоровья и благосостоянія, будемъ мужественно продолжать нашу критическую задачу».

Противъ какого государства направлены эти слова? Какую государственную идею преслѣдуетъ великій отрицатель?

Идею государства, построенную на отвлеченныхъ логическихъ формулахъ, въ силу которой государство есть ничто иное, какъ вышнее проявленіе права, система гарантій.

Эта идея была выработана въ періодъ борьбы съ абсолютизмомъ стараго порядка и была весьма пригодна для обновленія государственнаго *устройства* на началахъ свободы.

Но она оказалась непригодною для практической *дѣятельности* государства; она, въ моментъ своего господства, направляла правительственныя силы на поддержаніе порядковъ, неладившихъ съ новыми требованіями жизни.

Абсолютная въ своемъ существѣ, она стояла въ противорѣчій и враждѣ съ идеею прогресса, т. е. съ постояннымъ видоизмѣненіемъ общественныхъ условий.

Что вышло изъ этого—понять не трудно.

Раціонализмъ заранѣе освятилъ возможность вывода, что если разумъ не «оправдаетъ» существованіе государства—оно должно прекратить свое существованіе.

Раціональное объясненіе «основаній государства», придуманное въ прежнее время, оказалось несостоятельнымъ, неубѣдительнымъ и даже невозможнымъ въ виду насущныхъ и законныхъ вопросовъ общественной жизни.

Стало быть, явленіе, не имѣющее основанія, должно быть отвергнуто, какъ ненужный остатокъ прежняго времени.

Гдѣ же средство остановить подобное движеніе? Государство, превратившееся въ метафизическую формулу, и принаровленное исключительно къ интересамъ «порядка»,—что можетъ оно отвѣчать на вызовъ?

Мы слышали нѣсколько такихъ отвѣтовъ. Іюньская рѣзня на улицахъ Парижа, осадное положеніе, государственный переворотъ 2 декабря 1851 г., наполеоновская имперія съ «порядкомъ» внутри

и ви́шними войнами—вотъ лучшіе образчики этихъ отвѣтовъ. Что такое былъ Наполеонъ III, какъ не призванный и коронованный порядо́къ, послѣднее «доказательство» метафизическаго принципа, провозглашеннаго индивидуализмомъ?

Въ 1869 г. большого скандала надѣлала рѣчь Наполеона III въ законодательномъ корпусѣ, когда парламентскія привиллегіи были расширены и составилось, «либеральное» министерство Оливье. Въ этой рѣчи говорилось, что во Франціи чрезвычайно трудно примирить *порядокъ* и *свободу*; императоръ убѣждалъ парламентъ водворить свободу и брать отвѣтственность за порядо́къ на себя.

Либералы, подготовившіе превращеніе абсолютной имперіи въ имперію парламентарную, сильно издѣвались надъ этимъ противоположеніемъ порядка и свободы — вещей, идущихъ рука объ руку, обеспечивающихъ другъ друга. Но событія показали, что они смѣялись надъ своими собственными теоріями.

Противополагая порядо́къ и свободу, императоръ, очевидно, хотѣлъ сказать, что тотъ государственный идеаль, который таился въ душѣ каждаго француза, смотрящаго на государство съ точки зрѣнія «началь 1789 г.» *), можетъ быть, въ данную минуту, поддержанъ именно тѣми мѣрами, которыя употребляла имперія въ теченіи 20 лѣтъ. Свобода должна повести къ требованію другаго государственнаго идеала. Событія оправдали это предчувствіе и преемникамъ Наполеона пришлось взяться за его же дѣло, т. е. за порядо́къ. Долго ли онъ продержится, это трудно сказать. Но во всякомъ случаѣ, мѣры версальскаго правительства только отстрочили рѣшеніе вопроса, который *для государства* формулируется слѣдующимъ образомъ:

Должно ли государство идти на встрѣчу новымъ требованіямъ и условіямъ общества, стать во главѣ всякаго движенія, руководить имъ въ видахъ общаго блага, словомъ, расширить свою идею практическими требованіями историческаго развитія, расти вмѣстѣ съ обществомъ; или оно должно замкнуться въ кругъ прежнихъ логическихъ формулъ, отставать съ каждымъ годомъ отъ общественнаго движенія, стать не во главѣ общества, а позади его, при чемъ послѣднее будетъ развиваться въ ущербъ ему, во вредъ самому себѣ?

*) 2-я статья этой деклараціи говоритъ, что *цѣль* политическаго союза состоитъ въ *охраненіи* естественныхъ и прирожденныхъ правъ чело́вѣка. Мы видѣли выше, къ какимъ выводамъ приводитъ эта идея.

Каждый, кто удовлетворительно разрѣшитъ этотъ вопросъ, будь это Орлеанъ, Бурбонъ, новый Бонапартъ, республика «единая и нераздѣльная», республика федеральная, заслужить вѣчную благодарность Франціи и всего человѣчества.

Приведемъ еще другой примѣръ насилія рационализма и мы можемъ заключить этотъ отдѣлъ нашего труда.

Отвлеченная и строго юридическая формула государства оазывается несостоятельною и лишенною основанія предъ другимъ великимъ движеніемъ современной исторіи—движеніемъ національнымъ. До начала этого движенія въ XIX ст., немногія европейскія государства были построены на живыхъ началахъ народности и, что всего замѣчательнѣе, именно эти государства достигли раньше другихъ высокой степени культуры и добились вліянія на ходъ всемірной исторіи. Таковы Франція, Англія, Голландія и нѣкоторыя другія. Прочія государства слагались путемъ чисто искусственнымъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ естественнымъ ростомъ народности и превращеніемъ ея въ государство. Трактатъ, отдача въ приданное, удачная война, завѣщаніе, обыкновенно рѣшали вопросъ о томъ, кому долженъ принадлежать тотъ или другой народъ. Составить государство, подобное Австріи, изъ обломковъ Італіи, Германіи, славянскихъ земель, Венгерскаго королевства, ничего незначило въ тѣ времена, когда народы разсматривались какъ часть поземельной собственности, которою можно было распоряжаться вмѣстѣ съ ея «плодами». Съ возрожденіемъ чувства національной независимости этотъ порядокъ вещей оказался несостоятельнымъ. Раздробленная Італія, отданная въ распоряженіе десятка ненаціональныхъ династій, Германія, не вышедшая изъ своего феодальнаго раздробленія, разноплеменные австрійскія народности, племена поработенныя Турціею, обнаружили вновь (на долго задержанное) стремленіе къ единству и независимости, стремленіе основать свое государство.

Движеніе это встрѣтило ли дѣйствительную, *научную* опору въ рационально-юридической теоріи государства? Встрѣтило ли оно въ ней союзницу, которая могла бы помочь ему чѣмъ-нибудь большимъ, кромѣ общихъ соображеній о свободѣ человѣка и народа?

Такой поддержки не оказалось и быть не могло; напротивъ, національное движеніе встрѣтило извѣстную вражду именно въ этой теоріи.

Кантъ очень хорошо опредѣлилъ, что такое государство съ отвлеченной точки зрѣнія. «Государство (civitas), говоритъ онъ, есть соединеніе массы людей подъ юридическими законами» *). Слѣдовательно, «юридическіе законы» суть единственное связующее начало этой «массы людей», и она можетъ набираться изъ всѣхъ человѣческихъ племенъ. Существованіе такого государства, какъ Австрія, вполне оправдывается съ этой точки зрѣнія, и всякое посягательство на ея цѣлость будетъ преступленіемъ противъ юридическаго закона. Абстрактная теорія государства сходилась въ своихъ основаніяхъ съ тѣмъ практическимъ легитимизмомъ, который на вѣнскомъ еще конгрессѣ занимался передѣломъ народовъ, соединяя подъ одинъ «юридическій законъ» самыя разнообразныя народности.

Только уже въ XIX ст., послѣ великихъ войнъ за народную независимость отъ господства французскаго «юридическаго закона» (можетъ быть и очень хорошаго), государственная теорія должна была уступить историческому движенію. Съ великимъ множествомъ оговорокъ было признано, что народность есть натуральная основа государства.

Въ этомъ отношеніи, между собою сходятся всѣ почти мыслители и ученые, знаменитые и не знаменитые. Этому успѣху общественныя науки обязаны отчасти великимъ историческимъ событіемъ начала XIX ст., отчасти усиліямъ *исторической школы*. Такъ Савиньи, въ своей «системѣ нын. рим. права говоритъ (довольно фигурально)», что «государство есть тѣлесный образъ духовной общности народа». Шталь **) выражается яснѣе и опредѣленнѣе. «Человѣчество, говоритъ онъ, въ цѣломъ не имѣетъ ни общности, ни замкнутости естественныхъ потребностей ни единства и индивидуальности нравственнаго сознанія. Поэтому, государство не есть призваніе (Beruf) цѣлаго человѣчества, которое не предназначено къ всемірному государству, но призваніе народа... Государство должно соответствовать каждому народу въ качествѣ устроителя и носителя его жизни». Новые писатели еще энергичнѣе выражаютъ мысль, что народъ есть натуральная основа государства.

Но не трудно замѣтить, что вся эта теорія есть какъ бы сторонній элементъ въ общемъ ученіи о государствѣ. Сама исто-

*) Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, § 45.

**) Philos., des Rechts.

рическая школа, оказавшая такіа услуги политико-юридическимъ наукамъ, не вполнѣ покончила съ исканіемъ отвлеченной идеи государства. Народность разсматривалась ею, какъ совокупность условій, среди которыхъ *осуществляется* государственная идея. Что касается современныхъ трактатовъ, то весьма трудно сказать, къ чему послужило для нихъ принятое ими положеніе исторической школы. Если народность есть *основа* государства, то къ чему же искать еще другихъ основаній бытія государства, къ чему «оправдывать» его существованіе предъ извѣстною идеею? Почему не выяснить его основаній изъ общихъ научныхъ законовъ образованія и развитія народностей, потому что здѣсь только можетъ быть найдена истинная «идея» и животворящій принципъ государства? Другими словами, почему въ основу теоріи государства не положена теорія народности?

Что отношеніе «раціональной» теоріи государства къ принципу народности не совсѣмъ искренно, можно видѣть изъ множества примѣровъ. Блюнчли, тотъ самый ученый, который такъ хорошо говоритъ объ «одухотвореніи» принципа невмѣшательства началомъ народности, въ своемъ «общемъ государственномъ правѣ» (*Allgemeines staatsrecht*), признавая значеніе народности для государства, создаетъ, однако, теорію *всемирнаго*, общечеловѣческаго государства. Онъ требуетъ подобной формы на томъ основаніи, что идея человѣка, для осуществленія своего нуждается въ болѣе широкихъ формахъ общенія, чѣмъ національное государство и самая идея государства есть идея не національная только, а общечеловѣческая. Что общаго между этимъ методомъ и методомъ историческимъ, который неизбѣжно приводитъ къ теоріи національнаго государства?

Далѣе, вездѣ замѣтно стремленіе какъ-нибудь примирить государственную форму, основанную единственно на общности «юридическаго закона», съ естественно историческимъ понятіемъ народности. Этой цѣли думаютъ удовлетворить тонкимъ различіемъ между понятіями нація (*Nation*) и народъ (*Volk*), или естественною народностію (*Naturvolk*) и народностію государственною (*Staatsvolk*).

Естественная народность можетъ быть разбита между нѣсколькими государствами (Германія до послѣдняго времени), или отдѣльныя части разныхъ естественныхъ народностей могутъ составлять одно государство (славяне, нѣмцы, венгерцы и до послѣдняго времени итальянцы входятъ въ составъ Австріи). Если

рѣчь идетъ о *фактѣ*, въ такомъ случаѣ это различіе разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія. Но для научной теоріи этого успокоительнаго различія недостаточно.

Германія не удовлетворилась тѣмъ, что она, какъ *Naturvolk*, была разбита на нѣсколько *Staatsvolk*'овъ. Она все стремилась слить это понятіе въ одно живое цѣлое, и почти достигла цѣли.

Какое утѣшеніе народностямъ Австріи, «моимъ народамъ» какъ выражаются Габсбурги, что они не существуютъ, какъ *Naturvolk*, но представляютъ огромный *Staatsvolk*?

Одно изъ двухъ—или государство имѣетъ свое основаніе въ народности, и въ такомъ случаѣ система искусственныхъ политическихъ клѣтокъ противорѣчитъ истинному, жизненному началу государства, почему карта Европы должна преобразоваться и преображается сообразно стремленію каждой народности къ единству и независимости;

Или государство имѣетъ свое основаніе въ отвлеченной и безнаціональной юридической цѣли, а потому система искусственныхъ политическихъ сочетаній должна быть поддерживаема, естественныя стремленія народовъ должно разсматривать, какъ «разрушительныя» теоріи и подавлять силою.

Здѣсь нѣтъ выбора ни для теоріи, ни для практики. Пока теорія будетъ видѣть основаніе государства въ чемъ-либо иномъ, кромѣ естественно-историческихъ условій народности,—она будетъ поддерживать практику, насильственно замыкающую и комбинирующую разныя народности въ искусственныя политическія тѣла. Мало того,—она не найдетъ истиннаго принципа государственности, не опредѣлитъ условій жизненности и нормальнаго развитія государства.

Но вѣдь существуютъ же государства, не построенныя на этомъ началѣ? Да, но отсутствіе этого принципа есть главная причина ихъ вѣчной *болъзни*. Австрія обладаетъ хорошею и очень образованною администраціею, либеральною конституціею, доставляетъ подданнымъ правосудіе, обеспечиваетъ ихъ свободу и собственность,—словомъ, обладаетъ всѣмъ, чѣмъ должно обладать хорошее государство по его «внутреннему существу и идеѣ». Почему же оно готово развалиться каждую минуту? Почему «мои народы» употребляютъ свободу слова для распространенія идей, противныхъ единству столь просвѣщеннаго государства? Не потому ли, что всѣ они чувствуютъ, въ какой степени они «не дома», не въ *своемъ* государствѣ, и что ихъ государство далеко зенодѣсь?

И вотъ просвѣщенное государство должно поддерживать свое существованіе или конституціональными уловками или арміею, т. е. или *обманомъ* или *насиліемъ*.

Такимъ образомъ, современная государственная теорія предъ всѣми великими движеніями вѣка оказывается безсильною и безпомощною, а руководимая ею практика должна прибѣгать къ насилію или къ обману. Нормально ли такое положеніе вещей, пусть рѣшитъ каждый безпристрастный читатель.

Весь отдѣлъ этого труда постоянно говоритъ о «теоріи разрушенія» государства, но легко теперь замѣтить, что не противъ нея была направлена наша аргументація и собранные здѣсь факты.

Эта теорія есть, какъ мы старались показать, прямое и законное послѣдствіе неудовлетворительности разныхъ сторонъ общественной жизни и совершенно неудовлетворительныхъ научныхъ приемовъ, продолжающихъ свое господство въ политическихъ наукахъ.

Можно ли возражать противъ послѣдствій, когда не устранены причины? Можно ли опровергнуть теорію, которой корни въ общепринятомъ міросозерцаніи?

Разрушительныя теоріи даже приносятъ своего рода пользу: они указываютъ на слабыя стороны практики и науки, они указываютъ на недостаточность практическихъ средствъ и на неудовлетворительность научнаго метода, потому что въ методѣ — вся наука.

Для своихъ изслѣдованій мы избрали этотъ послѣдній вопросъ: доказать несостоятельность научныхъ приемовъ, господствующихъ въ настоящее время въ политическихъ наукахъ, показать, въ чемъ долженъ состоять методъ, соотвѣтствующій современнымъ научнымъ требованіямъ, и сдѣлать нѣкоторыя его приложенія къ важнѣйшимъ вопросамъ политическихъ наукъ.

Мы начнемъ съ основнаго вопроса государственной теоріи, съ вопроса объ образованіи государствъ и обществъ, т. е., съ изслѣдованія тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ устанавливаются общественныя связи, развиваются формы обществъ и образуется существенный элементъ политическаго общества — власть

государственная. Эта исторія образованія обществъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и изслѣдованіемъ его «основаній», равно какъ и основаній власти.

Методъ, которому мы намѣрены слѣдовать, въ значительной степени выясненъ въ предъидущихъ главахъ. Изъ нихъ можно видѣть, какъ мы смотримъ на задачу науки. Здѣсь можно еще привести замѣчательныя слова Прудона, на котораго часто ссылаются, какъ на вождя «разрушителей»; сошлемся на него, какъ на человѣка *науки*.

«Наука, говоритъ онъ, есть систематическое и освѣщенное разумомъ познаніе того, что *есть*».

«Прилагая это основное понятіе къ обществу, мы скажемъ: общественная наука есть систематическое и освѣщенное разумомъ познаніе не того, чѣмъ общество *было*, не того чѣмъ оно *будетъ*, но что оно *есть* во всей его жизни, т. е., во всей совокупности его *последовательныхъ* явленій: потому что только *здѣсь* можетъ быть разумъ и система. Общественная наука должна обнимать человѣческій порядокъ, не въ томъ или другомъ періодѣ его существованія, не въ нѣкоторыхъ только его элементахъ, но во всѣхъ его принципахъ и цѣлостности (интегральности) его бытія: такъ, какъ будто развитіе общества (*évolution*), разлитое во времени и пространствѣ, было вдругъ собрано и запечатлѣно въ картинѣ, которая, показывая разрядъ (*série*) возрастовъ и последовательность явленій, раскрывала бы ихъ связь и единство. Такова должна быть наука *всякой живой и прогрессивной дѣйствительности*; такова несомнѣнно наука—наука общественная» *).

Въ глазахъ Прудона разумъ имѣетъ, слѣдовательно, въ наукахъ общественныхъ, то же значеніе, какъ и въ опытныхъ наукахъ, орудія выясненія *законовъ* и *системы* существующаго; авторъ «экономическихъ противорѣчій» говоритъ въ сущности то же, что основатель реальной философіи Бэконъ.

«Человѣкъ, истолкователь и слуга природы, расширяетъ свои познанія и свое дѣйствіе только по мѣрѣ того, какъ онъ открываетъ естественный порядокъ вещей чрезъ наблюденіе или размышленіе; онъ не знаетъ и не можетъ ничего больше знать.... Природу можно побѣдить, только повинаясь ей» **).

*) *Système des Contradictions économiques*. т. I, стр. 43, третьяго изданія

**) *Novum organon*. I. I—III.

Правда, Прудонъ, особенно въ «системѣ экономическихъ противорѣчій», усвоилъ себѣ діалектическій методъ Гегеля. Но не надо забывать, во первыхъ, что и въ ученіи Гегеля философія есть познаніе существующаго, не даромъ упрекали его (не понимая) за извѣстный афоризмъ, что «все существующее разумно, и все разумное существуетъ» *). Во-вторыхъ, Прудонъ сдѣлалъ изъ этой діалектики совершенно другое употребленіе, чѣмъ Гегель. Въ ученіи послѣдняго, «понятія» были не только орудіемъ познанія и системы, но причиною и источникомъ бытія вещей. Въ глазахъ Прудона, мы познаемъ чрезъ понятія дѣйствительно существующія явленія, развивающіяся по моментамъ діалектическаго процесса, т. е. по извѣстному закону раскрытія и примиренія противорѣчій.

Эта послѣдняя формула теперь несостоятельна, потому что она нуждается въ предварительномъ доказательствѣ *тождества законовъ мышленія и законовъ бытія*, т. е. логическихъ законовъ развитія понятій и законовъ развитія органическихъ существъ, что, какъ извѣстно, опровергается всеми данными опытныхъ наукъ. Кромѣ того, еще необходимо доказать, что законы развитія мысли и понятій формулируются въ діалектическомъ процессѣ, противъ чего такъ же стали бы возражать современные логика и психологія.

Но, несмотря на все это и даже именно потому, взглядъ Прудона на характеръ и задачу общественныхъ наукъ—остается вѣренъ.

Наука объ обществѣ и политической формѣ должна познать, что они *есть* не въ отвлеченномъ понятіи, абсолютномъ и неподвижномъ, но во всей совокупности ихъ видоизмѣняющихся жизненныхъ явленій.

Это познаніе и будетъ задачей предлагаемаго труда. Мы знаемъ, конечно, что подобная задача превышаетъ средства единичныхъ усилій, и что, слѣдовательно, научная критика раскроетъ много несовершенствъ въ предполагаемой книгѣ. Но, во-первыхъ, наша задача ограничивается, на первый разъ, установленіемъ *новой точки зрѣнія* на предметъ и *новаго метода* его изслѣдованія. Затѣмъ, если примѣненіе этого метода къ

*) Разъясненіе этой формулы см. въ *моемъ* этюдѣ о политической философіи Гегеля, помѣщенной въ «Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.» за июль 1870 г.

подробностямъ вопроса, совокупность частныхъ доказательствъ будетъ во всемъ удовлетворительна, то мы приведемъ на память слова Ог. Конта: «то, что не можетъ быть выполнено единичнымъ умомъ и въ теченіи одной жизни, то можетъ быть *предложено* просто и ясно».

Если этотъ «призывъ» найдетъ сочувствіе въ зарождающихся *научныхъ* силахъ Россіи, цѣль наша будетъ достигнута.

Изъ I и II книги журнала «БЕСѢДА», 1872 г.